

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Алек Д. Эпштейн

**ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ
ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ИСЛАМИЗМА:
«АРАБСКАЯ ВЕСНА» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО**

Москва
2012

Научное издание

Алек Д. Эпштейн

ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ИСЛАМИЗМА:
«АРАБСКАЯ ВЕСНА» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО
Москва, 2012, 64 стр.

Dr. Alek D. Epstein

ISRAEL FACING THE NEW WAVE OF ISLAMISM:
THE “ARAB SPRING” AND ITS IMPACT ON THE JEWISH STATE
Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies, 2012

ISBN 978-5-89394-230-9

Книга публикуется в авторской редакции
и не обязательно отражает позицию
Института Ближнего Востока

ISBN 978-5-89394-230-9

© Институт Ближнего Востока
© Алек Д. Эпштейн

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	4
Предисловие президента Института Ближнего Востока	5
Предисловие	9
I. Бурлящий Ближний Восток, спокойствие в Израиле и в Палестине	16
II. Крах международно-правовых механизмов обеспечения региональной безопасности	22
III. Без сверхдержав: Ближний Восток в эпоху бесполярного мира	30
IV. Неизбежность исламизации.....	36
V. Израиль в вынужденных поисках новой национальной стратегии	41
VI. Осознавая новый региональный статус-кво.....	50
Примечания.....	58

ОБ АВТОРЕ

Д-р Алек Д. Эпштейн – один из ведущих специалистов по истории и политологии Израиля и арабо-израильского конфликта, автор семнадцати монографий и более четырехсот научных работ и публицистических статей, опубликованных в двенадцати странах на семи языках. Постоянный автор Института Ближнего Востока, он написал целый ряд изданных Институтом книг, в том числе: «Израиль и проблема палестинских беженцев», «Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться», «Генезис и закат “левого” Израиля», «Россия и Израиль: трудный путь навстречу» и другие. Редактор и один из авторов тринадцати опубликованных сборников статей, а также курсов Открытого университета «Становление израильской демократии», «Общество, экономика и культура Израиля. Первое десятилетие» и «Национальная безопасность и демократия в Израиле». Он преподавал в шести российских и израильских вузах, в том числе на протяжении двенадцати лет – в Институте стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова, выступал как приглашенный эксперт в десятках университетов, участвовал в более чем сотне научных конференций и форумов практически всех ведущих международных социологических и политологических ассоциаций, а также форумов исследователей интеллектуальной истории, иудаики и израилеведения. Его имя включено в британский справочник «2000 ведущих интеллектуалов XXI века» (*2000 Outstanding Intellectuals of the 21st Century*, 5-е издание) и в американский энциклопедический словарь «Кто есть кто в мире» (*Who is Who in the World*, 26-е издание).

ПРЕДИСЛОВИЕ ПРЕЗИДЕНТА ИНСТИТУТА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Предлагаемая вниманию читателя работа д-ра Алека Д. Эпштейна, традиционно сочетающая свойственный этому исследователю высокий профессионализм с «быстрым реагированием» на текущую геополитическую ситуацию, позволяет взглянуть на «арабскую весну» с израильской точки зрения. Традиционная для автора самостоятельность мышления, не позволяющая ему примкнуть к какой-либо из устоявшихся школ, построенных по клановому принципу, делящих современный рынок западной, в том числе израильской, политологии, легла в основу честного объективного анализа региональной реальности. Такой подход не оставляет места для слепого оптимизма фанатичных приверженцев благотворности формальной демократии как института, взятого самостоятельно, вне зависимости от состояния общественно-политической жизни в той или иной стране и условий применения этого института к местным традициям. Сам по себе термин «арабская весна», как бы хорошо он ни звучал, имеет мало отношения к событиям, которые описывает, если только не предположить, что никакой другой политической «весны» в арабском мире, кроме наблюдаемой на протяжении всего 2011 года, быть не может. Черeda бунтов, предательства военно-политической элитой своих составившихся лидеров, сепаратистских мятежей, межплеменной и межэтнической резни на грани геноцида, погромов христиан, расстрелов шиитских выступлений и расцвета исламизма во всех мыслимых и немыслимых формах, включая самые радикальные, дает мало оснований для позитивных прогнозов. Идея о том, что религиозные экстремисты и фанатики, практикующие насилие над инакомыслящими и иноверцами, получив в свои руки государственную власть, окажутся лучшими партнерами для Запада и своих соседей, чем автори-

тарные светские диктатуры, которые они при поддержке или прямом участии этого Запада свергли, заставляет всерьез усомниться не только в будущем арабского и в целом исламского мира, но и самого западного блока.

Распространение на арабский и мусульманский мир суннитского радикализма в той форме, которую практикуют консервативные монархии Персидского залива, в первую очередь Катар и Саудовская Аравия, опирается на помощь НАТО. Однако в перспективе для США и стран ЕС это создает угрозу большую, чем шиитский Иран с его ядерной программой, против которого формально и сколачивается этот новый Халифат. Об Израиле, по точному определению д-ра Эпштейна, оказавшемуся в кольце враждебных ему исламистских режимов, не стоит и говорить. Попытка балансирования между «хорошими» и «плохими» исламистами, предпринимаемая Вашингтоном и Брюсселем в рамках «арабской весны», все более напоминающей «арабскую зиму», привела к альянсу Запада с «Аль-Каидой», который вряд ли окончится для Запада чем-либо, кроме тиражирования на его территории терактов, некоторые из которых могут оказаться сравнимыми с катастрофой 11 сентября. В Ливии и Сирии Доха и Эр-Рияд – инициаторы создания коалиции, «зачищающей» светских соперников ваххабитского проекта, сумели объединить против Каддафи и Асада Анкару, Вашингтон, Париж и Лондон. Это привело Каддафи к катастрофе, а режим Асада поставило на грань выживания. В Египте и Тунисе тот же результат был достигнут финансово-политическими методами. Свержение Мубарака и Бен-Али не только предоставило широкие политические возможности «Братьям-мусульманам», «Ан-Нахде» и другим партиям, придерживающимся так называемого «умеренного ислама», но и ввело в легальное политическое поле этих стран салафитов, позиция которых вряд ли может быть признана «умеренной» при любом уровне ханжества. Двойные стандарты – основа любой политики. Однако понимание того, в каких случаях «дипломат лжет в интересах своей страны», а в каких интересы страны подчинены личным или ведомственным интересам ее политиков

и дипломатов – вещь крайне существенная. Именно это понимание – или его отсутствие – отличает государственных мужей, имеющих стратегическое видение ситуации, от судорожно реагирующей на текущие изменения группы дилетантов и авантюристов, волею стечения обстоятельств и интриг заброшенных на вершину власти. Последнее в полной мере относится к большинству современных западных лидеров, создавая определенные проблемы для Израиля, хотя поддержку ими Иерусалима не стоит преувеличивать в любом случае.

Как это ни парадоксально, разногласия России и Китая с западным политическим сообществом по вопросу Сирии, а также признания или непризнания (точнее, уровня и скорости признания) палестинского государства, создает для Государства Израиль «окно возможностей», которое он имел до распада СССР, причем в гораздо лучшей конфигурации. Только противостояние Москвы и Вашингтона превратило Израиль из обузы и раздражающего фактора в «стратегического союзника» Соединенных Штатов, при всей условности этого статуса, подразумевающего его использование там, где это было выгодно США, и полное забвение во всех остальных случаях. Лишь интересы самих США по-настоящему интересуют американскую экономическую и политическую элиту, причем к еврейской элите это относится в такой же степени, что и к любой другой. Сантименты, еврейское лобби или образ Святой Земли, в очередной раз атакуемой неверными, играют свою роль в американо-израильских отношениях, но роль эта не слишком велика, хотя и преувеличивается сверх меры внешними наблюдателями. Если бы Израиль не был важен для США сам по себе – его участь волновала бы официальный Вашингтон гораздо меньше, и искушение разменять это государство на очередные нефтяные интересы, пойдя на поводу у монархий Залива, могло стать непреодолимым. Даже сегодня, в преддверии возможной войны с Ираном, в которую аравийские монархии неизбежно окажутся втянуты, это искушение зашкаливает, что и лежит в основе не имеющего аналогов давления, которое

по любому поводу оказывает на Израиль администрация Барака Обамы. Выстраивание стандартной для участников нового этапа «Большой игры» комбинации соперничества великих держав, оставляет за Иерусалимом свободу маневра, тем более, что его отношения с Москвой сегодня лучше, чем когда бы то ни было. Что книга д-ра Эпштейна, помимо прочего, и демонстрирует самими фактом выхода в свет в России.

**Президент Института Ближнего Востока
Евгений Сатановский**

ПРЕДИСЛОВИЕ

События, происходящие сегодня на Ближнем Востоке, требуют вдумчивого осмысления. Никто из аналитиков еще летом 2010 года не предвидел падения режимов Зина аль-Абидина Бен Али в Тунисе, Хосни Мубарака в Египте, Али Абдаллы Салеха в Йемене и Муамара Каддафи в Ливии, не обсуждалась даже теоретическая возможность массовых демонстраций протеста по всему арабскому миру, а из многих комментаторов, предсказывавших всплеск напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, почти все связывали его с очередным обострением палестино-израильского конфликта, которое как раз оказалось совершенно не при чем. Как честно признали в ведущей израильской газете «Ха'арец», в Израиле неоднократно рассматривались сценарии развития событий, при которой в ряде стран региона, и особенно – в Египте, власть бы сменилась в результате покушения, совершенного исламистами, или в ходе внутреннего «дворцового» переворота. Однако никто не рассматривал всерьез вероятность того, что Хосни Мубарак уйдет в отставку в результате протеста со стороны миллионов молодых парней и девушек, выступающих против бедности, безработицы и коррупции во властных структурах¹. Ошиблись все и во всем, но если для американских, западноевропейских или российских специалистов события, происходящие в находящемся на расстоянии сотен и тысяч километров от них арабо-мусульманском мире, являются лишь сферой их профессионального интереса, которые при этом едва ли непосредственно повлияют на жизнь тех стран, в коих эти специалисты живут и работают, то положение израильтян принципиально другое: беспрецедентные волнения происходят во всех приграничных странах, а в государстве, первым в регионе подписавшим с их страной мирный договор, на протяжении 2011 года

трижды сменилось правительство – очевидно, что после завершения в начале января 2012 года третьего, последнего, тура парламентских выборов, уверенно выигранных исламистами («Братья-мусульмане» и салафитская партия «Нур» получили 354 из 498 мест в парламенте Египта²), вскоре оно сменится еще раз. *Израиль, занимающий 15-е место в мире и первое – в регионе «большого Ближнего Востока» по индексу развития человеческого потенциала, – единственная развитая демократическая страна, находящаяся в эпицентре того региона, где происходят эти события, поэтому для нее они имеют наибольшее значение.*

В 1990-е годы Шимон Перес, а в 2000-е – Джордж Буш-мл. излагали оптимистичные видения грядущего «нового Ближнего Востока». Тогдашний министр иностранных дел, затем короткое время – глава правительства, а ныне – президент Израиля делал упор на взаимовыгодной экономической кооперации, которая, как ему казалось, сблизит страны региона, о чем он писал в шестой главе своей книги, так и озаглавленной: «От экономики, работающей на нужды войны, к экономике мира». Проработавший два срока на посту президента США Джордж Буш-мл. верил, что цементирующим фактором «нового Ближнего Востока» будут процессы демократизации. Едва ли не любимой книгой Дж. Буша и его советницы по национальной безопасности, а затем госсекретаря К. Райс стало сочинение израильского политика российского происхождения Натана Щаранского «В защиту демократии» с крайне оптимистичным подзаголовком «Свобода победит тиранию и террор», в которой речь самого Дж. Буша относительно путей урегулирования палестинской проблемы, произнесенная 24 июня 2002 года, объявлялась образцом и «ясности моральных критериев», и «нового смелого политического курса»³. «Если цветок свободы распухнет на каменистой почве Западного берега и Газы, это вдохновит миллионы мужчин и женщин на земле, которые также устали от нищеты и угнетения, которые также имеют право на демократическое правительство», – упоенно цитировал Н.Б. Щаранский бесконечно пафосные, но при этом совер-

шенно беспредметные слова тогдашнего американского президента. «Я также убежден, – повторял Н.Б. Щаранский, что лидеры свободного мира могут стать мощной движущей силой демократических перемен. Последние несколько лет президент Буш на каждом форуме, на каждой трибуне и в каждом обращении снова и снова заявлял о своей вере в возможность распространения свободы в регионе [Ближнего Востока]. Он утверждает, что существует неразрывная связь между свободой и миром, между демократией и безопасностью»⁴.

«Величайшей ошибкой арабов в XX веке – ошибкой, которая до сих пор так и не исправлена, – явилась их приверженность к тоталитарным военным или президентским режимам», – писал, в свою очередь, Шимон Перес, убеждая читателей в том, что «только подлинная демократизация, и ничто иное, принесет настоящую пользу арабскому миру и не в последнюю очередь – палестинскому народу»⁵. И если высказанная в 1993 году убежденность нынешнего президента Израиля в том, что «наиболее эффективное оружие палестинских организаций против ХАМАСа – демократические выборы: они должны привести к созданию властной структуры законно избранного большинства, которая поставит заслон вооруженному и фанатичному меньшинству»⁶, выглядит в последние пять лет как издевка, ибо многопартийные демократические выборы в палестинской парламент, прошедшие в январе 2006 года, ХАМАС как раз уверенно выиграл, то проверить авторский тезис о желательности падения «тоталитарных военных или президентских режимов» возможности пока не было; теперь «ошибка [частично] исправлена». Беспрецедентные по своим масштабам массовые выступления граждан многих ближневосточных стран против своих «вечных» властителей (президент Египта Х. Мубарак и президент Йемена А.А. Салех пришли к власти тридцать лет назад; глава Ливии М. Каддафи, премьер-министр Бахрейна Х. аль-Халифа и отец нынешнего президента Сирии Б. Асада, Х. Асад – более сорока и т.д., причем никто из них никогда не избирался на демократических вы-

борах) сформировали «новый Ближний Восток» совсем не тогда, когда этого ожидали Ш. Перес, Н. Щаранский или Дж. Буш. Ничего в их книгах и выступлениях не свидетельствует о том, что они отдавали себе отчет в том, насколько высок уровень политического сознания народов Туниса, Египта и других стран региона, на протяжении нескольких недель и месяцев настойчиво выражавших свои требования, практически не прибегая к насилию. Впервые в истории региона конец нескольким авторитарным режимам был положен путем мирного протеста, в котором приняли участие широкие слои населения.

При этом, как справедливо отмечает российский политолог С.М. Иванов, попытки некоторых политологов представить эти события как следствие подрывной деятельности западных спецслужб, чьих-то коварных планов и очередной волны экспорта «цветных революций» не подтверждаются фактами. Безусловно, новые информационные технологии (Интернет, мобильные телефоны и т.п. достижения науки) были широко использованы протестными слоями арабских обществ, в событиях приняли участие эмигранты и выпускники западных ВУЗов. США и другие западные страны первое время выступали лишь в роли наблюдателей, воздерживаясь от вмешательства во внутренние дела арабских государств, хотя, например, и З.А. Бен Али и Х. Мубарак были их давними партнерами и союзниками. Затем Вашингтон и его партнеры по НАТО попытались «оседлать» происходящие в арабском мире процессы и, по возможности, использовать их для сохранения или даже укрепления своих позиций в отдельно взятых странах и регионе в целом⁷. Однако оценивая ситуацию в целом, представляется, что подобного «укрепления позиций» западного мира на Ближнем и Среднем Востоке не произошло. Достаточно сказать, что в конце декабря 2011 года в офисах семнадцати американских и европейских неправительственных организаций, работающих в Египте прошли обыски и выемки документов⁸. При этом ряду сотрудников этих организаций местные власти запретили выезд за пределы страны. 7 февраля 2012 года трое амери-

канских сенаторов Джон Маккейн, Джозеф Либерман и Келли Айотт опубликовали совместное заявление по ситуации, пригрозив Египту катастрофическим ухудшением двусторонних отношений («A rupture in relations would be disastrous»), предупредив, что риск подобного развития событий редко когда был выше, чем сейчас⁹. Отдельные авторы, в частности, С.Е. Кургинян, настаивают на том, что события, получившие названия «арабской весны», были спровоцированы, инспирированы и проплачены Соединенными Штатами и другими западными странами¹⁰. Если бы это было так, политический курс новых властей стал бы более дружественным по отношению к США и западным странам, чем курс прежних, свергнутых, руководителей Египта и соседних государств. В реальности же возможности влияния США и стран Западной и Центральной Европы в этих государствах лишь ослабли.

В общем, оказалось, что «новый Ближний Восток», которого так ждали, выглядит совсем по-другому, чем его принято было рисовать. Израильтянам, нравится им происходящее или нет, совершенно необходимо понять, что же представляет собой «новый Ближний Восток», сам собой появившийся вокруг них. Израильтянам важно осознавать, как внезапные и от того еще более драматичные перемены в региональной политике могут повлиять на их страну. Особенно важным для Израиля является, конечно, всё происходящее в приграничных странах и, особенно, в Египте; до сих пор это – одна из очень немногих мусульманских стран, которая поддерживает дипломатические отношения с Израилем, поэтому приход к власти в ней враждебного Израилю режима будет иметь для еврейского государства самые негативные последствия.

В настоящем аналитическом докладе автор выдвигает несколько тезисов, отражающих его понимание происходящих на Ближнем Востоке перемен, с особым акцентом на их влияние на Израиль. По непонятным причинам (и это отмечалось и в израильской прессе), «израильское политическое и военное руководство лишь вяло отреагировало

на политическое цунами. Израильские лидеры не удостоили нас ни единым серьезным анализом происходящего». Известный израильский политический обозреватель Ярон Декель, назначенный в феврале 2012 года директором и главным редактором радиостанции «Галей ЦАХАЛ», выделил в своей статье несколько важных вопросов, которые следовало бы задать в первую очередь: как Израиль готовится к существованию в новой ближневосточной реальности? Предпринимают ли руководители страны какие-либо действия в связи с происходящим в арабских странах, кроме просмотра телерепортажей из Египта и Ливии? Имеется ли опасность разрыва дипломатических отношений с Египтом и Иорданией, с которыми Израиль подписал мирный договор? Стоит ли, несмотря на происходящие события, все же попытаться добиться мирного урегулирования с палестинцами и Сирией? Однако «молчание наших руководителей вызывает подозрение, что они просто-напросто не знают, что делать, – отмечал Я. Декель. – У них нет ни малейшего представления о том, как Израиль должен готовиться к новой реальности»¹¹. Понятно, что мое мнение – позиция независимого аналитика, которая ни в коей мере не может служить отражением официальной или неофициальной позиции израильского руководства. Однако даже молчание политических лидеров страны по столь судьбоносным вопросам не может оправдать самоустранение экспертов от исполнения их профессиональных обязанностей. Вместе с тем, читатель не должен ассоциировать мнения, высказываемые автором настоящего аналитического доклада, с официальной позицией израильского руководства.

Автор начал работу над этим докладом в день отрешения от власти президента Египта Хосни Мубарака 11 февраля 2011 года и закончил его год спустя. За этот год произошло очень многое, но целый ряд значимых «вызревавших» процессов региональной политики все еще очень далек от завершения. Живя и работая на Ближнем Востоке уже более двадцати лет, автор, естественно, продолжит изучать происходящие в регионе процессы, надеясь продолжить их

анализ в своих следующих публикациях. Хотя «арабская весна», после которой наступает, скорее, зима, чем лето, еще отнюдь не закончилась, событий, оправдывающих выпуск данного аналитического доклада, произошло более чем достаточно.

Отдельные темы, поднимаемые в этом докладе, я обсуждал с коллегами-специалистами, среди которых выделю Валерия Павловича Воробьева, Татьяну Анисимовну Карасову, Александра Владимировича Крылова, Федора Александровича Лукьянова, Евгения Яновича Сатановского и Владимира Эммануиловича Ханина. Всем им – моя искренняя благодарность за содержательные обсуждения. При этом ответственность за все высказанные идеи, изложенные факты и их интерпретацию несет, естественно, автор.

Иерусалим, 25 февраля 2012 года

I. Бурлящий Ближний Восток, спокойствие в Израиле и в Палестине

Первый тезис состоит в том, что *происходящие в регионе события кардинально меняют ту систему понятий, к которой мы привыкли: то, на чем десятилетиями заостряли внимание едва ли не все, кто писал о Ближнем Востоке, в настоящее время совершенно точно не является наиболее важным.* В течение долгого времени три принципиально разных понятия – «ближневосточный конфликт», «палестино-израильский конфликт» и «арабо-израильский конфликт» – практически приравнялись друг к другу, воспринимаясь в большинстве мировых СМИ как взаимозаменяемые синонимы. Подобное смешение можно найти в огромном количестве книг, посвященных международным отношениям и мировой политике, где все эти три понятия употребляются как синонимичные. Очевидно, что арабо-израильский конфликт не исчерпывается его палестинским измерением, но включает в себя также и проблемы отношений с Сирией и Ливаном – странами, с которыми мирных договоров нет до сих пор, а также многими другими арабскими государствами – от Алжира до Саудовской Аравии – до сих пор не признавшими само право Израиля на существование в каких бы то ни было границах. Очевидно и то, что наиболее сложными на сегодняшний день являются отношения Израиля с Ираном – страной мусульманской, но не арабской. Однако *используя словосочетание «ближневосточный конфликт» (именно так, например, называется двухтомник, выпущенный Архивом внешней политики Российской Федерации в 2003 году) для описания исключительно проблем отношений Израиля с кем бы то ни было, мы оказываемся лишенными адекватной терминологии*

для описания того, что происходит на Ближнем Востоке и в Северной Африке в настоящее время, ибо к Израилю (как и к палестинцам и даже к Ирану) всё происходящее не имеет практически никакого отношения. Как справедливо отметила в этой связи профессор кафедры востоковедения МГИМО М.А. Сапронова, «взрыв Ближнего Востока и всего арабского мира прогнозировался уже давно, но источник опасности видели в тупиковой ситуации ближневосточного урегулирования, расколе Палестины и подъеме исламского движения. Классический народный бунт, тем более в самой развитой и европеизированной арабской стране, стал неожиданностью»¹².

Всё, действительно, началось совершенно неожиданно, и, если судить в принятых на Ближнем Востоке категориях, практически без всякой причины. Киоск с фруктами Мохаммеда Буазизи, 26-летнего уличного торговца из небольшого тунисского города Сиди-Бузид (общее число его жителей – лишь около 40 тысяч человек), был конфискован местными инспекторами за нарушение правил торговли. Насколько известно, М. Буазизи пошел искать защиты в местную мэрию; как часто бывает в подобных случаях, его просто выгнали, не став слушать. В отчаянии 17 декабря 2010 года он облил себя горячей жидкостью на площади перед мэрией и попытался совершить самосожжение. Огонь удалось сбить, и М. Буазизи в тяжелом состоянии был отправлен в больницу. По причинам, которые, если говорить начистоту, по прежнему остаются неясными, известие о попытке самосожжения М. Буазизи вывело на улицы тысячи человек по всей стране, породив целую череду аналогичных самоубийств. Сначала в волнениях принимала участие, в основном, молодежь. Качественный перелом в развитии обстановки наступил 3 января 2011 года, когда протестующих поддержало Всеобщее тунисское объединение труда. Зона антиправительственных выступлений стала расширяться, и к 12 января их волна докатилась до столицы. Как справедливо отмечалось в прессе, «выступления не были скоординированными и скорее напоминали бунты городской бедноты времен французской

революции»¹³. Власти были растеряны. С одной стороны, 28 декабря сам президент З. Бен Али навестил М. Буазизи в больницу, пообещав помочь ему (сделать этого не удалось, так как 4 января 2011 года М. Буазизи умер от полученных ожогов). С другой, при разгоне демонстраций протеста проявлялась все большая жестокость, что, впрочем, не помогало. Однако для большинства международных наблюдателей и для самого З. Бен Али все происходящее было не более чем беспорядками, связанными с повышением цен на продукты питания (в чем тунисские власти не были особенно виноваты, так как этот процесс происходит в мире повсеместно) и ростом безработицы. Демонстрации протеста разгонялись, но одновременно с этим президент начал отправлять в отставку непопулярных министров и губернаторов. Гражданам этого было уже мало, и акции протеста против условий и качества жизни постепенно превратились в демонстрации против правительства и самого президента. Утром 14 января З. Бен Али ввел чрезвычайное положение и объявил о проведении внеочередных выборов в течение ближайших шести месяцев, распустил правительство и выступил с обещаниями о создании новых рабочих мест, призывая народ не поддаваться на провокации и давление «экстремистов». Однако уже вечером того же дня главной мировой новостью стала информация о том, что президент Тунисской Республики вместе с членами своей семьи перебрался в Саудовскую Аравию и получил там политическое убежище.

В Египте, как и в Тунисе, первые протесты приняли форму публичных самосожжений. К середине января в мире знали уже о десятках подобных случаев во всех крупных городах страны: Каире, Порт-Саиде, Александрии и Суэце. Эти акции получили широкое освещение в Египте и за его пределами, а похороны погибших стали первыми маршами протеста. Интересно, что и в Египте всё началось с судьбы «маленького человека»: речь идет о Халеде Саиде, молодом правозащитнике из Александрии, в июне 2010 года арестованном службой безопасности и погибшем в тюрьме. Когда

30-летний Ваиль Гоним основал на «Facebook» страницу «Мы все Халед Саид» [«We are all Khaled Said»], к ней присоединились более ста тысяч египтян. Как считается, именно в этой группе сформировался первый костяк молодых активистов, призвавших к выступлению против режима. Видный российский политолог-востоковед Г.Г. Косач подобрал очень точный термин для большинства этих людей, назвав их приверженцами «религиозного социализма»¹⁴.

Чрезвычайное положение Х. Мубарак ввести не мог, поскольку формально оно и так действовало в Египте всё время его правления, с 1981 года, но, как и З. Бен Али, он попробовал сочетать методы кнута и пряника: с одной стороны, власти запрещали и разгоняли демонстрации (по приблизительным подсчетам, за время противостояния погибло около трехсот человек, ранено более пяти тысяч), с другой – в отставку было отправлено всё правительство, а в стране впервые за тридцать лет был введен пост вице-президента. Как и в Тунисе, все эти меры не помогли. Вечером 10 февраля Хосни Мубарак в телеобращении к согражданам выразил сожаление по поводу жертв и пообещал наказать виновных, заявив о намерении внести изменения в ряд положений конституции и о передаче части своих полномочий вице-президенту Омару Сулейману, сохраняя за собой президентское кресло, а также право роспуска правительства и парламента. А уже через сутки Омар Сулейман в телеэфире сообщил, что «в эти очень тяжелые времена, которые переживает Египет, президент Хосни Мубарак решил оставить пост президента республики и передал высшему совету вооруженных сил управление делами страны».

Протестные выступления лавинообразно распространились и по другим государствам ближневосточного региона. Массовые митинги и демонстрации прошли в Марокко, Алжире, Иордании, Сирии, Иране, Йемене и других странах «большого Ближнего Востока». В Турции лидеры местных курдов призвали к проведению сидячей забастовки в защиту своих национальных прав. Власти реагировали по разному: президент Алжира Абдельазиз Бутефлика отменил военное

положение, которое действовало девятнадцать лет, и предоставил оппозиционным политикам возможность выступить в прямом эфире. В Бахрейне же власти жестко расправились с протестными выступлениями при помощи иностранных войск. Репрессии против участников антиправительственных выступлений привели к многочисленным жертвам и в Сирии.

Пожалуй, нечто подобное происходит впервые, и это требует от мировой дипломатии серьезного переосмысления реальности: даже если арабо-израильский и палестино-израильский конфликты будут так или иначе (не суть важно, как) разрешены, на Ближнем Востоке принципиально ничего не изменится к лучшему. Центральная и непререкаемая аксиома мировой дипломатии на протяжении многих лет состояла в том, что для урегулирования всех ближневосточных проблем необходимо, прежде всего, решить именно палестинскую проблему. Согласно логике, стоящей за таким подходом, именно нерешенность палестинской проблемы провоцирует конфликт Израиля с арабскими странами, который, в свою очередь, стоит в эпицентре всех проблем региона. Действительно, даже те арабские страны, которые не имеют ни территориальных, ни водных, ни иных претензий к Израилю, как, например, Алжир или Саудовская Аравия, из чувства некоей солидарности с палестинцами не идут на примирение с Израилем, однако факт состоит в том, что весь нынешний кризис никак не связан с этими проблемами. С 1973 года, когда крайне тяжелый для развитых стран Запада нефтяной кризис был спровоцирован именно арабо-израильской войной, ситуация изменилась кардинальным образом, и пришло время это осознать.

Сейчас совершенно ясно, что *проблемы Ближнего Востока значительно более многоплановые, чем проблемы палестино-израильского конфликта, и к нему отнюдь не сводятся; и решение палестино-израильского конфликта, если даже вдруг и будет найдено, не приведет к успокоению Ближнего Востока.* «Израиль на сегодняшний день является государством, которое привлекает наибольшее вни-

мание ООН, по которому выпускаются резолюции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи в количестве, превышающем любое другое государство планеты, – справедливо отмечает президент московского Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановский. – Израиль присутствует в массмедийном пространстве, в том числе пространстве телевизионном, гораздо больше, чем любая другая страна мира, и в этом плане является информационной сверхдержавой»¹⁵. Последние события показали, что этому нет разумного объяснения, что международное сообщество продолжает дуть на воду, обжигаясь на молоке. Но, как справедливо, хоть и не без издевки, отмечалось в редакционной статье в газете «Ха'арец» в середине февраля, «Кого сейчас интересует мирный процесс, демонтаж поселений, разметка границ между Израилем и Палестиной или урегулирование вопросов безопасности [между ними]? Палестинская администрация также оказалась в новой для себя ситуации. Неожиданно для палестинцев их конфликт с Израилем был вытеснен на периферию общественного внимания»¹⁶.

Бесконечные обсуждения путей урегулирования палестино-израильского конфликта, которые ни к чему позитивному не привели, несмотря на двадцать лет усилий¹⁷, пора постепенно свести к тем пропорциям, которых они заслуживают. В мире много проблем, и палестино-израильский конфликт – никак не ключевой фактор международной напряженности. Более того: на самих палестинских территориях никаких волнений не было и нет, в сравнении с большинством арабских стран (не только Египтом, Ливией, Тунисом, Сирией, Йеменом, но и в сравнении с Иорданией и Ливаном) территории Западного берега и сектора Газа являются в настоящее время удивительно спокойным местом. Для снижения напряженности в регионе «большого Ближнего Востока» мировой дипломатии нужно заниматься другими вопросами.

II. Крах международно-правовых механизмов обеспечения региональной безопасности

Второй тезис касается *изменения роли международных структур и реальных механизмов реализации норм и принципов международного права в ближневосточном регионе*. После каждой из двух мировых войн были предприняты попытки создать некие международные структуры, которые ставили своей целью перейти от «права кулака» к «праву мира». Лига Наций, ООН, ее Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности, Международный суд – все эти и многие другие организации были созданы, чтобы решать межгосударственные споры не правом силы, а путем достижения коллективного согласия.

В рамках Ближнего Востока эти структуры, прямо скажем, никогда не работали идеально. Примеров тому много, ограничимся двумя наиболее наглядными. Решение Генеральной Ассамблеи ООН о разделе территории бывшего британского мандата от 29 ноября 1947 года, согласно которому Иерусалим был объявлен международным городом, а рядом с Израилем должно было быть создано Государство Палестина, выполнено было лишь в части создания Израиля. Другой пример – строительство Израилем стены безопасности, которую, согласно принятому в июле 2004 года четырнадцатью голосами против одного консультативному заключению Международного суда, необходимо демонтировать, было продолжено.

Нынешний кризис вновь показал ограниченность существующих международно-правовых механизмов. Во время массовых гражданских волнений и вооруженных стычек в Тунисе, Египте и Ливии Лига арабских государств практически бездействовала, что отчетливо показало слабость

этой региональной структуры, демонстрируя силу дезинтеграционных процессов в арабском мире, вследствие которых правящая элита каждой страны – и каждый борющийся за власть клан – исходит из своих собственных интересов. Когда же Лига арабских стран решила вмешаться в происходящее в Сирии, то ее посредническая миссия не имела успеха, а предложения ЛАГ по урегулированию ситуации были фактически проигнорированы Башаром Асадом.

Показательно в этой связи удивительное равнодушие всех стран мира, кроме Ирана, к судьбе выступлений протеста шиитов (составляющих три четверти населения страны, но лишенных доступа к власти) в Бахрейне. После того, как 11 марта 2011 года тысячи людей попытались пройти маршем до королевского дворца в окрестностях Манамы и начали строить баррикады на дороге, ведущей в деловой центр столицы страны, 13 марта вечером начался инициированный самими властями Бахрейна (королем Хамадом ибн Иса аль-Халифа и его дядей, премьер-министром Халифой ибн Салманом аль-Халифа) ввод на территорию страны объединенных войск Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. В эту организацию, помимо самого Бахрейна, входят Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия. Первыми границу Бахрейна пересекли более тысячи саудовских солдат. 16 марта с помощью слезоточивого газа и резиновых пуль был разгромлен палаточный лагерь шиитской оппозиции в центре Манамы. Манифестанты готовились к штурму и попытались остановить полицию с помощью баррикад, железных прутьев и бутылок с зажигательной смесью, вследствие чего начался пожар. Однако силы были неравны. В ходе операции погибли по меньшей мере пять человек и десятки получили ранения. Всё происходившее в Бахрейне не обсуждалось ни на Генеральной Ассамблее, ни в Совете Безопасности ООН.

Иным оказался расклад применительно к ситуации в Ливии, где между войсками, верными Муамару Каддафи, и силами так называемой оппозиции началась гражданская

война. Попытки мирного разрешения конфликта оказались безуспешными, и в ночь с 17 на 18 марта 2011 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию №1973, согласно которой воздушное пространство над этой страной закрывалось для полетов авиации правительственных сил (у повстанцев своей авиации не было), а крупные города объявлялись неприкосновенными: для их защиты страны-члены ООН получили право применить любые средства, кроме наземного вторжения. При этом, хотя режим Муамара Каддафи в Совете Безопасности не поддержал никто, крупнейшая страна Европы – Германия, а также все страны БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай – при голосовании воздержались, что превратило операцию против Ливии едва ли не в личный проект президента Франции Николя Саркози, поддержанный новым правительством Великобритании, к которому, с оговорками и, что называется, «на расстоянии» присоединилась администрация Барака Обамы. О готовности поддержать операцию по установлению над Ливией зоны, запретной для полетов военной авиации, объявили Норвегия, Дания, Канада, Польша, Катар, ОАЭ, а позднее и Швеция – для демонстрации мирового единства этого, конечно, мало. Прошло совсем немного времени и вооруженные силы НАТО превысили свои полномочия и явно вышли за пределы мандата ООН. Не ограничиваясь контролем за воздушным пространством Ливии, т.е. не допуская взлета самолетов ВВС Ливии, натовцы приступили к планомерным ракетно-бомбовым ударам по военным и гражданским объектам страны. Бомбардировкам подверглись резиденции М. Каддафи, правительственные учреждения, командные пункты, система ПВО, аэродромы, военные городки, склады, колонны правительственных войск и т.п. В результате этих налетов погибли тысячи ливийских военнослужащих и гражданских лиц, включая женщин, детей и стариков, десятки тысяч получили ранения. Инфраструктура страны оказалась разрушенной, разрозненные силы оппозиции втянулись в затяжную гражданскую войну с правительственными войсками. В конце-концов, при попытке

М. Каддафи покинуть город Сирт, ВВС НАТО разбомбили его колонну автомашин и способствовали захвату мятежниками ливийского лидера с последующей жестокой и унижительной физической расправой над ним без суда и следствия. Операция сил НАТО и их союзников против войск Муамара Каддафи заняла более полгода, но страны коалиции, поддерживавшие малопонятных «повстанцев», добились своего: 20 октября 2011 года Муамар Каддафи был убит, а в Ливии было сформировано правительство, во главе которого встал Мустафа Мухаммад Абд-аль-Джалиль – до 21 февраля 2011 года занимавший пост секретаря Главного народного комитета юстиции Ливии, т.е. бывший министром юстиции Муамара Каддафи. В ситуации в Ливии, где многолетний глава государства был просто зверски убит, «право кулака» очевидно восторжествовало над «правом мира». Государственный переворот, произошедший в Ливии при поддержке внешней военной интервенции, никоим образом не соответствует ни доктрине распространения демократии, ни принципам верховенства права.

Военная интервенция со стороны Франции и Великобритании (отметим, что Ливия никогда не была ни французской, ни британской колонией, а потому не может рассматриваться даже как т.н. «традиционная сфера влияния» Парижа и Лондона) вернула мир к ситуации конца октября 1956 года, когда эти же страны и Израиль, исходя из соображений своих руководителей, пошли на войну против Египта. Очевидно, что список претензий, накопившихся к Муамару Каддафи, – очень и очень значительный, но непонятно, кто уполномочивал Николя Саркози решать, кому быть, а кому не быть главой Ливии. 10 марта 2011 года президент Франции объявил, что его страна признает единственным законным представителем ливийского народа Национальный переходный совет, сформированный оппозицией в Бенгази, и это его право решать, какое правительство в той или иной стране признавать, а какое – нет. Но от непризнания до бомбардировок – дистанция огромного размера, и она была пройдена на удивление быстро, всего за неделю. Другие

страны признавали Национальный переходный совет значительно медленнее, МИД России, в частности, признал его только 1 сентября 2011 года. Израиль наблюдал за всем этим со стороны: отношений с Ливией у него не было и нет, к обсуждению вопроса бомбардировок лидеры Франции, Англии и США его не приглашали, никаких предложений об урегулировании двусторонних отношений члены Переходного национального совета не делали – да и никто от них этого не ждал.

Переходный национальный совет, судя по всему, не в силах в достаточной мере контролировать развитие ситуации в Ливии, и ему явно не до Израиля и не до палестинцев. Убийство Муамара Каддафи не положило конец насилию в стране: уже после этого информагентства сообщали о боях в Бени-Валиде; демонстрациях студентов в Бенгази, Мисурате и Триполи; вооруженных столкновениях между различными отрядами вооруженной милиции и т.д.¹⁸ Гражданская война в Ливии – яркий пример ведения кровопролитных боевых действий на Ближнем Востоке, никак не связанных ни с Израилем, ни с арабо-израильским конфликтом.

«Право мира», не подкрепленное «правом кулака», не работает – это тот урок, который необходимо извлечь из событий на Ближнем Востоке. Международно-правовая система обеспечения безопасности потерпела полный крах: Ливию, по инициативе президента Франции, бомбила авиация НАТО, в Бахрейн были введены войска Саудовской Аравии и других стран-членов ССАГПЗ, в Египте власть захватило местное военное командование... Для Израиля, не имеющего мирных договоров с подавляющим большинством стран региона, всё это – очень плохие новости. В Израиле хорошо помнят события мая 1967 года, когда Г.А. Насер закрыл для израильского судоходства Тиранский пролив, блокировав, таким образом, порт Эйлат на Красном море, и никакая международная организация не встала на защиту израильских интересов¹⁹ – что в итоге привело к войне, известной как Шестидневная, перекроившей все контуры ближневосточной политической географии. Как оказалось,

с тех пор мир изменился меньше, чем многие в Израиле предполагали и надеялись.

С другой стороны, нельзя не обратить внимание на «фестиваль признаний» несуществующей палестинской государственности, начатый 3 декабря 2010 года завершившим свою каденцию президентом Бразилии Луисом Лула да Силвой и продолженный в последующие два месяца еще шестью странами Южной Америки, вследствие чего количество стран, признавших независимость Палестины, перевалило за 120. 15 декабря 2011 года независимость Палестины признала Исландия, став фактически первой страной Западной Европы, сделавшей такой политический шаг. За две недели до этого, 30 ноября 2011 года, парламент Исландии 63 голосами против 38 одобрил принятие резолюции о признании суверенитета Палестины в границах 1967 года²⁰. В июле 2011 году аналогичную резолюцию 43 голосами «за» при 11 воздержавшихся и не голосовавших против принял Сенат Бельгии²¹, но правительство этой страны до настоящего времени независимость Государства Палестина не признало.

31 октября 2011 года Палестина была принята в ЮНЕСКО: за признание Палестины полноценным участником выступили 107 стран-участниц Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, против голосовали представители всего семи стран, включая США и Израиль. Еще ранее Палестина была принята в Международную организацию по стандартизации, Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, Межпарламентский союз и некоторые другие. Однако всё это ни на йоту не изменило реальную ситуацию в регионе, и в целом можно согласиться с мнением посла Израиля в ЮНЕСКО Нимрода Баркана: «ЮНЕСКО должна заниматься наукой, а не научной фантастикой. Однако большое число стран утвердило научно-фантастическую версию реальности, приняв в члены научной организации несуществующее государство. И это печальный день для любой организации, когда она принимает решение оторваться от реальности»²².

С одной стороны, все границы территорий Палестинской администрации (ПНА) контролируются Израилем, с другой – сами официальные власти ПНА ни в малейшей степени не контролируют сектор Газа. На Западном берегу у палестинцев одно правительство, во главе с Саламом Файедом, в котором нет представителей ХАМАСа, в Газе – другое, во главе с Исмаилом Ханией (который на самом деле подотчетен Халеду Машалю, с 2001 года находившемуся в Дамаске, а в конце января 2012 года перебравшегося в Катар²³), в котором нет никого, кроме активистов ХАМАСа. Переговоры между ХАМАСом и ФАТХом идут уже давно, 8 февраля 2012 года исполнилось пять лет с момента заключения первого из известных соглашений между ними (чтобы подчеркнуть символическую значимость происходящего, оно было подписано в Мекке²⁴), 22 декабря 2011 года в Каире было подписано еще одно соглашение о «национальном примирении» между ФАТХом и ХАМАСом, причем на протяжении последнего года речь уже идет о вступлении ХАМАСа и «Исламского джихада» в ООП²⁵. В начале февраля 2012 года в Катаре прошел новый раунд переговоров между Махмудом Аббасом и Халедом Машалем – стороны, как утверждает, пришли к согласию по ряду вопросов, однако сразу же в прессе появилась информация о том, что двое видных руководителей ХАМАСа Муса Абу-Марзук и Махмуд аз-Захар выступили против²⁶; затем было сообщено, что против сообщения выступает и Мухаммед Деф, многолетний лидер бригад «Изз-ад-Дин аль-Кассам», в то время как фактический нынешний командир бригад в последние годы Ахмед Джабари выступил «за»²⁷. Как бы то ни было, пока разговоры о палестинском единстве остаются преимущественно разговорами, а процесс внутripалестинского урегулирования всё больше напоминает арабо-израильский: процесс идет годами, ничем не заканчиваясь.

Учитывая, что четырехлетний срок полномочий М. Аббаса на посту главы ПНА закончился еще в январе 2009 года, а пятилетний срок полномочий Законодательного совета ПНА закончился в январе 2011 года (при этом

никакие новые выборы до сегодняшнего дня проведены не были), речь идёт о распавшемся надвое несостоявшемся государстве, не имеющим легитимных органов власти и управления. Ситуация вернулась к «до-ословским» временам, когда реальные руководители палестинцев находятся вне территории Палестины. Перед нами – второе Сомали, государство также де-факто давно распавшееся, но в Палестине еще и все границы контролируются внешней силой – Израилем. Признание в этих условиях государственного суверенитета Палестины наглядно демонстрирует, насколько политико-правовая риторика на Ближнем Востоке далека от реальности.

III. Без сверхдержав: Ближний Восток в эпоху бесполярного мира

Третий тезис состоит в том, что *Ближний Восток перешел к новому геополитическому состоянию: регион будет существовать без того, чтобы какая-либо внешняя сила могла реально влиять на происходящие в нем события.*

И Соединенные Штаты, и Европейский союз, и Россия были застигнуты врасплох событиями, начавшимися в арабских странах. При этом и в Египте, и в Тунисе с политической арены ушли светские и лояльные Западу режимы, и пока неясно, какие силы придут им на смену. При этом очевидно, что способность американского руководства влиять на происходящие процессы минимальна. Американская администрация вначале поддерживала Хосни Мубарака, а затем, видя, что маятник качается в противоположную сторону, «сдала» его, при этом 11 февраля 2011 года президент США Барак Обама заявил, что властям Египта следует «четко и недвусмысленно встать на путь демократии». Верховный совет вооруженных сил Египта, получивший власть в стране после отставки Х. Мубарака, это пожелание фактически проигнорировал. В конце марта, спустя полтора месяца после ухода многолетнего президента, было объявлено, что парламентские выборы в стране пройдут в сентябре 2011 года; в итоге они прошли в три этапа, с ноября 2011 по январь 2012 года. Всё это время власть в стране оставалась в руках никем не избранной военной хунты. Президентские выборы в стране так и не проведены до сих пор. Подобно тому как в Ливии многолетнего главу государства Муамара Каддафи убили войска, ныне находящиеся под командованием его бывшего министра юстиции Мустафы Мухаммада Абд-аль-Джалилия, так и в Египте многолетнего главу государства, доставляе-

мого в суд на носилках, судит режим, возглавляемый многолетним министром обороны Мухаммедом Хусейном Тантауи; 5 января 2012 года прокурор потребовал приговорить Хосни Мубарака к смертной казни через повешение²⁸.

Равнодушно отнеслись к американским призывам к демократизации и в Бахрейне, население которого в сто раз меньше, чем в Египте, и где находится база Пятого флота ВМС США, которая позволяет контролировать нефтяной экспорт из Персидского залива. 15 марта король Бахрейна Хамад ибн Иса аль-Халифа объявил о введении чрезвычайного положения сроком на три месяца. Действия преданных королю сил, разгромивших при поддержке войск Саудовской Аравии и ОАЭ палаточный лагерь оппозиции, вызвали резкую реакцию Вашингтона, представители которого призвали власти к политическому диалогу с оппозицией. Однако арабские монархии региона проигнорировали призыв Белого дома. Барак Обама в телефонном разговоре с королем Бахрейна выразил «глубокую озабоченность» методами подавления протестных выступлений и потребовал от властей Бахрейна «максимальной сдержанности». Резкой критике действия официальной Манамы подвергла и Верховный комиссар ООН по правам человека Наванетхем Пиллэй. Однако на действия бахрейнских властей вся критика извне не повлияла никак.

Кроме того, четко определились границы американского силового участия. Объясняя 28 марта в телевизионном обращении к согражданам позицию его правительства о военной операции в Ливии – единственной страны Ближнего Востока, относительно которой было принято решение о вмешательстве, Барак Обама публично пообещал, что американские самолеты не задержатся в Ливии. О наземной операции, как не уставали повторять в Белом доме, речи и вовсе не шло. Таким образом, стало очевидно: ближневосточные походы США закончились в Афганистане и Ираке, при этом во время операции в Ливии американское присутствие в Ираке лишь сокращалось. 18 декабря 2011 года Ирак покинули последние части вооруженных сил США. В Ираке остались лишь

157 американских военнослужащих при посольстве США и небольшой контингент морских пехотинцев для охраны дипломатической миссии. Одновременно завершена семилетняя операция НАТО по подготовке местных сил безопасности. Переговоры с иракскими властями о продлении миссии аль-Янса не увенчались успехом.

При этом итоги кампании выглядят крайне обескураживающими. Почти девять лет спустя после того, как президент Дж. Буш-мл. направил вооруженные силы в Ирак, чтобы найти на территории этого государства оружие массового поражения (таковая была официальная причина начала войны), после того, как погибли свыше ста тысяч иракцев, и четыре с половиной тысячи американских солдат вернулись на родину в цинковых гробах, после того, как на военные действия была израсходована беспрецедентная сумма – около триллиона долларов, Ирак не стал более свободным государством, чем в период правления Саддама Хусейна. Во всемирном индексе демократии Ирак занимает лишь 112-е место²⁹, в «Индексе свободы прессы» – 130-е³⁰, являясь одним из наиболее коррумпированных государств мира (175-е место из 182)³¹. Он располагает четвертыми по значению запасами нефти в мире, но при этом не в состоянии обеспечить упорядоченную подачу электроэнергии всем своим гражданам. По уровню государственных услуг и личной безопасности нынешний Ирак занимает одно из последних мест в мире.

Одной из целей войны в Персидском заливе, которую вела коалиция, возглавляемая США, было превращение Ирака в «государство-стену», которая остановит иранскую экспансию в регионе. Экономически независимый демократический Ирак должен был присоединиться к числу арабских стран, противостоящих иранскому влиянию. Результат получился противоположным: сегодняшний Ирак – важнейший политический и экономический союзник Ирана в регионе. Внутренняя борьба в стране отнюдь не гарантирует продолжение американо-иракских отношений в обозримом будущем. Аналогичным образом, к демократизации не привело и американское военное вторжение в Афганистан. Как спра-

ведливо отмечает Валид Фарес, «западные войска могут справиться с материальными основами власти диктаторов, но общества Среднего Востока нуждаются в интеллектуальных, социальных и идеологических изменениях. Сторонники “продвижения демократии” не справились с брошенным ими же вызовом»³². Афганская кампания и Иракская война преподнесли США и всему миру тяжелые уроки, касающиеся ближневосточного региона.

Период, когда США пытались играть роль «мирового полицейского», завершился. Двадцать лет назад на смену эпохе противостояния двух сверхдержав, Соединенных Штатов и Советского Союза, пришла эпоха фактически однополярного мира, однако на наших глазах завершается и она. Страны и народы Ближнего Востока, и в том числе Израиль, где многое «завязано» на партнерстве с США, должны адаптироваться к жизни в фактически «беспольном» мире.

На сегодняшний день никто не знает, каков будет политический курс новых режимов в Египте, Тунисе, Йемене, Ливии, а также любых других странах, где может произойти смена власти. Маршал Мохаммед Хуссейн Тантауи, возглавивший страну после ухода Хосни Мубарака, едва ли может рассматриваться в качестве потенциального долгосрочного президента хотя бы потому, что уже отметил 75-летие. Ключевыми фигурами в диалоге между политическими элитами Египта и Израиля с египетской стороны на протяжении многих лет были ближайший советник Х. Мубарака Осам аль-Баз и глава Службы общей разведки (*аль-Мухабарат*) в 1993–2011 гг. Омар Сулейман, назначенный в конце января 2011 года вице-президентом, уже в день отставки президента Х. Мубарака 11 февраля 2011 года, о которой он же и объявил, потерял этот пост. Все эти люди – очень пожилые: Осаме аль-Базу в 2011 году исполнилось 80 лет, Омару Сулейману – 75. Ровесником О. Сулеймана является еще один многолетний член «команды Мубарака» – Амр Муса, являющийся на протяжении последних десяти лет генеральным секретарем ЛАГ, а до этого десять лет возглавлявший МИД Египта. 70-летний премьер-министр маршал авиации Ахмед

Шафик — фактически, последний назначенец Хосни Мубарака (назначен на высший пост в правительстве 29 января 2011 года вместо технократа Ахмеда Назифа, возглавлявшего исполнительную власть в стране с 2004 года) 3 марта 2011 года был отправлен в отставку. На его место был назначен 59-летний инженер Эссам Абдель-Азиз Шараф, который до этого лишь однажды на протяжении полутора лет входил в состав правительства в должности министра транспорта, а с декабря 2005 года не входил в руководство страны. Нарботанных контактов с ним ни у кого на Западе, равно как и в Израиле, не было. 21 ноября 2011 года в отставку был отправлен и он, а премьер-министром был назначен 78-летний Камаль Ганзури, уже занимавший этот пост с 1996 по 1999 годы. До повторного назначения премьер-министром К. Ганзури занимал пост министра планирования и международного сотрудничества.

В Тунисе, вопреки прогнозам многих аналитиков, президентом 12 декабря 2011 года был избран вернувшийся из эмиграции руководитель «Конгресса за республику» врач, публицист и правозащитник Монсеф Марзуки (бывший посол РФ в Тунисе А.Б. Подцероб в феврале 2011 года выражал сомнение в возможности его прихода к власти, отмечая, что он не пользуется широкой известностью в стране³³). Фуад Мебаза, бывший временным президентом страны с 15 января по 12 декабря 2011 года, ушел в отставку. При этом парламентские выборы, прошедшие в Тунисе 23 октября 2011 года, уверенно выиграла исламисты. Исламская партия «Ан-Нахда» («Возрождение») получила 89 из 217 мест в Национальном учредительном совете Туниса, второе место с огромным отрывом заняла левая партия «Конгресс за республику» — ее представители получили 29 депутатских мандатов, третье место с 26 депутатскими креслами получила «Народная петиция». В Учредительный совет Туниса прошли также шесть других партий: «Ат-Такаттуль» (20 мест), Прогрессивная демократическая партия (16 мандатов), «Современный демократический полюс» (5 мандатов), «Инициатива» (пять мест), Коммунистическая партия Туниса (3 места) и партия

«Аш-Шааб» (3 места). 24 декабря ушел в отставку бывший премьер-министром страны с 27 февраля 2011 года Беджи Каид Эс-Сибси; его место занял Хамади Джебали, генеральный секретарь исламской партии «Ан-Нахда», отсидевший пятнадцать лет в тюрьме за свою общественно-политическую деятельность.

В обеих североафриканских странах – и в Египте, и в Тунисе – произошло существенное увеличение представительства исламистов в высших органах законодательной и исполнительной власти, а западному миру не остается ничего, кроме как молча взирать на это со стороны, почти не имея рычагов влияния на происходящее.

IV. Неизбежность исламизации

Четвертый тезис состоит в том, что *идея всемирной демократизации как способа решения существующих, в том числе на Ближнем Востоке, проблем потерпела очевидный крах, а потому «подталкивание» тех или иных стран региона к «демократии» контрпродуктивно для стран Запада и Израиля.* Представляется, что такие активные сторонники этой идеи, как Кондолиза Райс и Натан Щаранский, фатально путали понятия «политической культуры» и «формы правления», причем второе в их устах вытесняло первое. Демократические режимы, там, где они реально есть, являются следствием самостоятельного социально-политического развития этих стран и народов; за исключением, пожалуй, лишь Японии, «работающая» либеральная демократия нигде не является привнесенной извне.

Политическая культура куда важнее формы правления. Культура толерантности, терпимости и уважения прав национальных, конфессиональных, сексуальных и иных меньшинств значительно важнее демократической формы правления и связанных с нею процедур, например, свободных многопартийных выборов. Однако подобной либеральной политической культуры в арабо-мусульманском мире нет – и введение новой, формально демократической, формы правления отнюдь не приведет к торжеству либеральных ценностей и отказу от насилия как средства разрешения внешних и внутренних конфликтов.

Наиболее свободные выборы в странах Ближнего Востока – в Турции, Иране, Ливане и Палестинской администрации – привели к власти значительно более исламистские силы, чем находились у руля правления до этого. Ближний Восток показал, что увязка понятий «демократизация» и

«либерализация» в корне ошибочна. То, что было верно для Западной Европы, Северной и Южной Америки, не сработало на Ближнем Востоке, где даже в Израиле от выборов к выборам усиливаются позиции традиционалистов и религиозных фундаменталистов, хотя в целом страна остается единственным примером либеральной демократии в регионе.

Проведение многопартийных демократических выборов в Тунисе и в Египте окончились аналогично: фундаменталисты с огромным отрывом победили умеренные силы. Хотя, как указывалось выше, в Тунисе президентом стал врач и правозащитник Монсеф Марзуки, главой правительства стал генеральный секретарь победившей на выборах исламистской партии «Ан-Нахда» («Возрождение») Ахмади Джебали. Следует напомнить, что, как и в Тунисе, движение «Братьев-мусульман» в Египте, основанное в 1928 году, с 1954 года находилось под запретом, действуя в конспиративных условиях. Это осложняло их деятельность, одновременно окружая ее ореолом мученичества, по традиции весьма позитивно воспринимаемого широкими слоями общества³⁴. По существу, в ходе демонстраций января–февраля 2011 года «Братья-мусульмане» впервые за много лет «вышли из подполья», открыто участвуя в публичных массовых акциях в столице и других городах Египта. В комитете, названном «Коалиция за перемены» и насчитывавшем пятьдесят членов, «Братья-мусульмане» были представлены четырьмя делегатами³⁵. 15 февраля лидеры движения объявили о планах по созданию политической партии – этой возможности они были лишены на протяжении полувека. Не прошло и года, как они триумфально выиграли парламентские выборы. В результате подсчета голосов во время длинного избирательного процесса, начатого в ноябре 2011 года и разделенного на три периода, выяснилось, что победили «Братья-мусульмане», создавшие Партию справедливости и свободы (ей досталось 47% мест в парламенте), за ней идет партия салафитов «Нур», получившая более 20% голосов, потом либералы из ВАФД и умеренный «Египетский блок», получившие по 7%

каждые. На прошедших в феврале выборах в Совет Шура – верхнюю палату парламента Египта – исламисты добились еще большего успеха: «Партия свободы и справедливости», представляющая «Братьев-мусульман», получила 105 мест, ультраконсервативной салафитской партии «Нур» достались 45 мандатов, тогда как либералы из «Вафд» получили лишь 14 мандатов, а «Египетский блок» – только восемь.

Спустя менее чем месяц после падения режима Хосни Мубарака 67-летней руководитель «Братьев-мусульман» Мохаммед Бади, отсидевший девять лет в тюрьме за свою общественно-политическую деятельность, дал интервью, главной мыслью которого была кооперация «между арабскими и исламскими странами для осуществления проектов против колониализма, вестернизации и сионистской гегемонии». И вот что, в частности, сказал М. Бади: «Мы обращаемся к нации с просьбой объединиться перед лицом сионистского образования [так М. Бади, как и многие другие в арабо-мусульманском мире, именует Израиль] и западного проекта»³⁶. 11 февраля 2011 года Сами Абу-Зухри от имени ХАМАСа поздравил египетских «Братьев-мусульман» с «победой над режимом Мубарака». Представители ХАМАСа выразили надежду, что новый египетский режим поможет снять израильскую осаду сектора Газа. Усиление контактов «Братьев-мусульман» с ХАМАСом в непосредственной близости от границ с Израилем может привести (а, возможно, уже привело) к разработке совместных планов действий против Израиля, что способно спровоцировать локальное или масштабное вооруженное противостояние. Совершенно очевидно, что в случае прихода исламистов к власти в Египте существует реальная вероятность возникновения угрозы еврейскому государству. Как справедливо отмечал Г.Г. Косач, «эта угроза может возникнуть и в случае формирования в Египте широкого коалиционного правительства, в котором “Братья-мусульмане” станут только одной из участвующих в нем сторон, – для египетского общества мир с Израилем всегда оставался “холодным”, а сохранение этого мира всегда определялось авторитарным характером египетской

власти (да и власти в любой другой стране арабского мира), которая едва ли не полностью игнорировала общественные настроения, проводя свой внешнеполитический курс»³⁷. Тысячи египетских демонстрантов 10 сентября 2011 года разгромили здание израильского посольства в Каире, сотрудникам которого чудом удалось эвакуироваться³⁸. С тех пор израильские дипломаты так и не смогли вернуться в Египет.

Проблема в том, что *на Ближнем Востоке мы оказываемся перед замкнутым кругом, который в любом случае приводит к усилению исламистов, в краткосрочной или в средне- и долгосрочной перспективе*. С одной стороны, М.А. Сапронова, совершенно права, утверждая, что сегодня на Ближнем Востоке «исламизация ... равнозначна демократизации»³⁹. С другой стороны, противодействие демократизации тоже не способно изменить общий вектор. Как справедливо указывает Рупрехт Поленц, эксперт по Ближнему Востоку и руководитель парламентского комитета Бундестага по внешней политике (этот пост он занимает с 2005 года), «чем дольше авторитарное правительство находится у власти, тем больше вероятность того, что исламистские движения становятся сильнее». Это связано с тем, что авторитарные правительства не допускают свободу слова, печати, исключают любое политическое обсуждение своих действий в общественном месте. Однако они не в силах запретить религию, поэтому общественные дискуссии, невозможные в СМИ, перемещаются под своды мечетей. Там ислам обретает высокий градус политизированности⁴⁰. Либеральным странам поддерживать на Ближнем Востоке некого: и военная хунта, и исламисты противоречат западной политической культуре, а приверженцы западного пути развития постепенно оказываются в арабо-мусульманском мире просто нерелевантными.

В прошлом, когда речь заходила о том, что военные являются заслоном перед исламистами, всегда ставились в пример Алжир и Турция. Однако, очевидно, что не может идти речи о «демократичности» режима, который держится исключительно на военных; «гарнизонное государство» –

не синоним, а антоним демократии. В любом случае, для западного мира и для Израиля оба сценария – и длительное правление в Египте военной хунты, и резкое усиление исламистов – означает существенное ухудшение ситуации в сравнении с положением, существовавшим до самого недавнего времени. Вероятно, прав директор Института востоковедения РАН В.В. Наумкин, утверждающий, что даже если предположить, что «Братья-мусульмане» станут влиятельной легальной силой, они не будут требовать денонсации мирного договора с Израилем, что они примут этот договор как политическую реальность⁴¹. Собственно, пример Турции, где исламисты пришли к власти, но не прервали дипломатические отношения с Израилем, свидетельствует именно в эту пользу. Однако правительство Р.Т. Эрдогана направило в Газу «флотилию солидарности», следствием чего стали трагические события, в которых погибли девять человек, а израильско-турецкие отношения оказались фактически свернутыми: дипломатические отношения не разорваны, но почти весь коллектив израильского посольства был вынужден в авральном порядке покинуть Турцию. 25 сентября 2011 года председатель парламента Турции Джемиль Чечек отверг приглашение Реувена Ривлина посетить Израиль, отметив, что подобный визит невозможен до нормализации отношений между двумя странами. Если подобным же курсом будет следовать и новое египетское руководство, то это уже совершенно точно будет совсем другой Ближний Восток, в котором у Израиля не останется ни одного стратегического союзника во всем регионе.

V. Израиль в вынужденных поисках новой национальной стратегии

На протяжении тридцати с лишним лет в Израиле повсеместно повторялось, что основой новой доктрины национальной безопасности страны является мирный договор с Египтом, причем т.н. «правые» говорили об этом едва ли реже т.н. «левых», поскольку именно глава «правого» правительства Менахем Бегин подписал этот самый мирный договор в 1979 году. «Ни одно событие не оказало столь значительного влияния на стратегию Израиля, как мирный договор с Египтом. Этот договор прорвал кольцо экономической и политической блокады Израиля со стороны арабских стран, причем прорыв произошел на наиболее сильном направлении: тот, кто был самым мощным и активным врагом – стал если не союзником, то партнером, – отмечал бывший генерал, депутат и министр Эфраим Снэ в своей книге, изданной в 2005 году. – Это событие открыло новую главу в присутствии Государства Израиль на Ближнем Востоке. Каким бы холодным ни был этот мир, сам факт его заключения после череды войн, позволил нам обрести надежду на то, что в один прекрасный день мы сможем мирно сосуществовать и с другими соседями по региону. Невзирая на подъемы и падения в наших отношениях, (к сожалению, главным образом, падения), мир с Египтом – важное завоевание»⁴². Именно заключение мирного договора с Египтом стало отправной точкой формирования стратегической доктрины, согласно которой самой надежной гарантией безопасности Израиля является заключение соглашений между ним и другими странами региона. Эта доктрина нашла свое высшее выражение в сразу ставшем знаменитом высказывании нынешнего президента, а тогда – премьер-министра Израиля Шимона

Переса, в январе 1996 года объявившего о готовности отказаться от ядерного потенциала страны при условии заключения мирных договоров со всеми странами Ближнего и Среднего Востока: «Дайте нам мир, и мы откажемся от ядерного оружия»⁴³. Любые виды вооружений, таким образом, становились лишь временной необходимостью, отменяемой пакетом мирных соглашений. Начиная с 1993 года Шимон Перес отстаивал тезис о том, что мирные соглашения – стратегически необходимое условие обеспечения национальной безопасности Израиля, и их значимость превосходит важность каких-либо иных факторов. Вся логика «процесса Осло» состояла в том, что Израиль стремится к миру, чтобы обрести безопасность, что отражало резкую смену концепции от максималистской до минималистской позиции, суть которой состоит в том, что никакая часть какой-либо территории не дает Израилю таких преимуществ, чтобы стоило удерживать ее ценой мира⁴⁴. В соответствии с этим убеждением, официальное мирное соглашение, подкрепленное международными гарантиями, демилитаризацией и специальными механизмами наблюдения обеспечит безопасность с большей вероятностью, чем аннексия контролируемых территорий или их частей и даже чем обладание потенциалом ядерного сдерживания.

Однако даже если не ходить так далеко, очевидно, что мирный договор с Египтом сам по себе кардинально изменил геополитическое положение еврейского государства: за первые три десятилетия государственной независимости Израиля две страны воевали между собой пять раз (в 1948–1949, 1956, 1967, 1967–1970 и 1973 годах), тогда как за три десятилетия, прошедшие после подписания соглашения о мире – ни разу. С того момента как Египет выпал из обоймы потенциальных военных противников Израиля, еврейскому государству ни разу не пришлось воевать с коалицией арабских государств: как две войны в Ливане (в 1982–1985 и 2006 годах), так и ракетные атаки из Ирака (в 1991 году) и из сектора Газа (обострившиеся в 2006–2008 годах) оставались конфликтами локального значения, они не были частью какой-

либо комплексной стратегии нескольких непосредственно воевавших против Израиля стран, как это было в 1948–1949, 1967 и 1973 годах. Более того: египетское руководство не только само пошло на мир с Израилем, но и подталкивало к такому шагу других; наиболее памятно в этой связи жесткое давление, оказанное президентом Хосни Мубараком на главу ООП Ясира Арафата в ходе подписания т.н. соглашения «Осло–2» в сентябре 1995 года. Правы те, кто упрекали египтян в том, что они закрывали глаза на контрабанду оружия из Синайского полуострова в сектор Газа, но это лишь одна сторона проблемы; другая же состоит в том, что египетский режим никогда не препятствовал израильским силовым структурам в проведении каких-либо акций против палестинских радикалов. Не забудем и об экономической стороне вопроса. Во-первых, именно с подписания израильско-египетского соглашения установилась традиция ежегодного выделения американцами еврейскому государству помощи в размере трех миллиардов долларов. Во-вторых, газ, импортируемый из Египта, более чем на 40% обеспечивает потребности Израиля в топливе. Очень важна и символическая значимость израильско-египетского урегулирования, на долгие годы – почти на пятнадцать лет, до подписания договоров с ООП и Иорданией – ставшего единственным доказательством самой возможности мирного сосуществования между еврейским государством и окружающим его арабским миром. До 1978 года можно было утверждать, что само существование Израиля на Арабском Востоке создает неразрешимую проблему, втягивающую весь регион в пучину «вечного» противостояния и войн. Подписание израильско-египетского мирного договора доказывало, что Израиль может поддерживать мирные добрососедские отношения с окружающими его странами, и если таковых отношений с теми или иными странами нет, вина за это лежит, как минимум, не только на еврейском государстве. Установление дипломатических отношений с крупнейшей приграничной страной, население которой в десять, а территория – в пятьдесят раз больше израильских, должно было положить конец фактиче-

скому статусу еврейского государства как региональной «державы-парии»: с одной стороны, наиболее экономически и технологически успешная страна Ближнего Востока, обладающая самыми сильными и оснащенными вооруженными силами в регионе, а с другой – государство, не признанное никем из своих соседей, не имеющее с ними взаимно признанных границ, не входящая ни в какие региональные союзы и ассоциации... Мир с Египтом изменил этот вектор, и в этом была – и более чем тридцать лет оставалась – его непреходящая значимость.

Однако за последний год ситуация изменилась кардинально. Падение режима, в том или ином виде правившего в Египте почти шестьдесят лет, и приход к власти исламистов, один из лидеров которых, Саад эль-Кататни, 23 января 2012 года был избран председателем новосформированной Национальной ассамблеи (за него проголосовали 399 депутатов из 503), ставит Израиль перед вызовами, прежде не рассматривавшимися всерьез. Хотя в Израиле понимали, что отношение к Израилю политического истеблишмента Египта, его СМИ и интеллигенции порой крайне враждебно, считалось самоочевидным, что приверженность президента Мубарака мирному соглашению с Израилем и его деятельность, направленная на достижение стабильности в регионе, полностью исключают возможность того, что Египет вновь будет представлять угрозу для еврейского государства. В Израиле регулярно звучали и звучат апокалипсические пророчества о будущем Хашимитской династии и Иорданского королевства в целом, но в том, что положение правительства Мубарака прочно и стабильно, сомнений практически никто не испытывал. Подобно тому, как пост президента Сирии после кончины в 2000 году Хафеза Асада унаследовал его отец Башар, все в Израиле ожидали, что следующим президентом Египта после Хосни Мубарака станет его сын Гамаль. У израильских руководителей сложились интенсивные рабочие контакты с приближенными Хосни Мубарака Омаром Сулейманом, Осамой эль-Базом и другими, и это казалось залогом и гарантией стабильных двусторонних

отношений между политическими элитами обеих стран и в обозримом будущем.

Свержение режима Хосни Мубарака поставило Израиль перед необходимостью заново формулировать свою стратегическую доктрину. И для «Братьев-мусульман», и тем более для для салафитов, стремящихся создать единую мусульманскую умму по всему миру, важно включить Египет в общую систему исламского мира, собственно египетский национально-гражданский национализм им был и остается чужд. *Мирное соглашение с Израилем, подписанное Анваром Садатом в 1979 году, было именно уходом от принципов общеарабского и общемусульманского единства к логике защиты партикуляристских интересов Египта как такового. Сейчас же выборы в Египте выиграли силы, предпочитающие национально-гражданскому партикуляризму даже не панарабизм Г.А. Насера, а панисламизм.*

Как стало известно 27 января 2012 года, новоизбранный председатель парламента Египта Саад аль-Кататни не только отклонил приглашение председателя Кнессета Реувена Ривлина посетить Израиль (это приглашение спикер израильского парламента направил своему египетскому коллеге сразу после избрания последнего), но и отказался пригласить Реувена Ривлина в Египет. Прежде египетские руководители крайне редко и неохотно посещали Израиль (Хосни Мубарак за всё время своего правления посетил Израиль лишь однажды, прибыв в ноябре 1995 года на похороны Ицхака Рабина), но проблем с посещением Египта израильскими руководителями не было никаких. Кроме Авигодора Либермана, которого в Каире на дух не выносили, практически все израильские руководители бывали там многократно, и это казалось естественным. Больше казаться не должно...

За первый год после падения режима Мубарака на газопроводе, поставляющем топливо из Египта в Израиль и Иорданию, десять раз (!) устраивались взрывы (в ночь на 5 февраля 2012 года газопровод был подорван одиннадцатый раз). Хотя военное руководство Египта ни разу не заявило о желании разорвать мирный договор с Израилем, оно не смогло –

или не захотело – предотвратить штурм толпой израильского посольства в Каире 10 сентября 2011 года, в результате чего дипломаты были вынуждены эвакуироваться – и за прошедшие с тех пор месяцы так и не смогли вернуться. 5 января 2012 года представитель государственного департамента США Виктория Нуланд сообщила, что руководство «Братьев-мусульман» якобы заверило Вашингтон в намерениях поддерживать существующие дипломатические договоренности, в том числе и мирный договор между Египтом и Израилем 1979 года. Эти слова были немедленно опровергнуты: выступая 6 января на пресс-конференции в Каире один из лидеров движения Ибрагим Мунир заявил, что этот вопрос будет вынесен на всенародный референдум – итоги которого, если он на самом деле состоится, предсказуемы и крайне безрадостны для Израиля. Другой представитель руководства организации Р. аль-Баюми неделей раньше высказался еще более бескомпромиссно: «Ни один член “Братьев мусульман” не сядет за стол переговоров с израильтянами. Это невозможно ни при каких обстоятельствах. Мы не признаем Израиль. Эта страна – враг, оккупант и преступник, а я никогда не сяду за один стол с преступником». Подобные речи израильтяне привыкли слышать из Дамаска и Тегерана, но никак не из Каира... Всё происходящее в настоящее время в Египте разрушает доктрину сверхценности мирного договора, помимо его воли возвращая Израиль к временам отсутствия стратегического диалога с арабским миром, для которого еврейское государство, к огромному сожалению, так и осталось инородным телом. Свое реальное место в регионе Израилю нужно определять заново...

В Израиле с особым вниманием следят за тем, что происходит в соседней Иордании, где опасность прихода к власти исламистов давно считается высокой (в 1970-е – 1980-е годы в Израиле так же считали весьма вероятным падение Хашимитской династии, однако под натиском ООП). Для Израиля имеет критическое значение сохранение Иордании в качестве независимого государства, режим которого не рассматривает свою страну как плацдарм для нападения на еврейское

государство. На протяжении многих десятилетий сохранение существующего в Иордании статус-кво рассматривается как судьбоносный интерес Израиля.

В Израиле существенное усиление исламистов практически во всех соседних странах вызывает понятные опасения. Как отмечал политический обозреватель израильской газеты «Маарив» Шалом Иерушалми еще в середине февраля, «Биньямин Нетанияху наблюдает за происходящим в Египте и видит перед собой два сценария: Турция-1 и Турция-2. Первый сценарий – Турция Ататюрка и продолжателей начатой им секулярной революции, которая превратила страну в модернизированное и относительно либеральное общество, где ислам перестал играть центральную роль. Второй вариант – Турция Эрдогана и правящей исламской партии. Турция-1 всегда поддерживала прочные связи с Израилем. Турция-2 вступила с Израилем в конфликтные отношения, однако не стала окончательно разрывать связь с Иерусалимом». До того, как 2 сентября 2011 года Турция отозвала своего посла из Израиля и потребовала от израильского посла покинуть страну, Ш. Иерушалми утверждал, что и такая модель устроила бы Израиль, однако теперь эти слова звучат как издевка, не говоря уже о том, что существует опасность развития событий в Египте по иранскому сценарию. «То, что в Тегеране 1979 года началось как революция интеллектуалов, молодежи и представителей среднего класса, выступавших против шаха Резы Пехлеви, очень быстро переродилось в радикальный исламский режим, который наводит ужас на весь ближневосточный регион. В последние дни Нетанияху часто упоминает имя Шахпура Бахтияра, первого иранского премьер-министра периода антишахских волнений, правившего в Тегеране до тех пор, пока аятолла Хомейни и его соратники окончательно не взяли власть в свои руки. Подобный сценарий, опасаются в Израиле, может осуществиться и в Египте, если «Братья-мусульмане» будут принимать участие во властных структурах или просто-напросто захватят власть силой»⁴⁵.

«Многолетние дипломатические усилия по интеграции Израиля в ближневосточное окружение и развитию добрососедских отношений рухнули на этой неделе после изгнания израильских послов из Анкары и Каира и экстренной эвакуации персонала посольства в Аммане, – писал Алуф Бен, ставший 1 августа 2011 года главным редактором газеты «Ха'арец» [«Страна»], в сентябре 2011 года. – Регион вытесняет из себя еврейское государство, которое все сильнее отгораживается от него крепостными стенами и лидеры которого отвергают любые перемены, любое развитие, любые реформы... Нетанияху продемонстрировал полную пассивность перед лицом кардинальных перемен в регионе и позволил противникам перехватить инициативу и сформировать повестку дня»⁴⁶.

Вопрос, однако, состоит в том, а что могло – и что может – сделать в этой связи израильское правительство. Регион, действительно, «вытесняет из себя еврейское государство», но, констатируя это, автор не выдвигает никаких предложений по изменению ситуации, демонстрируя ту же самую «полную пассивность», в которой он обвиняет премьер-министра.

Традиционно пользующийся большим влиянием в израильских интеллектуальных кругах аналитик Ари Шавит выражал на страницах «Ха'арец» опасение, что под прикрытием лозунгов о демократизации значительная часть арабских стран Персидского Залива перейдет под фактический контроль Ирана. «Под лозунгами освобождения от гнета диктаторов радикальный ислам возьмет под свой контроль значительную часть арабских стран. Мир между Израилем и палестинцами, между Израилем и Сирией станет невозможным. Мирные соглашения с Иорданией и Египтом постепенно сойдут на нет. Исламистские, неонасеристские и неооттоманские силы будут формировать облик Ближнего Востока. С арабской революцией 2011 года может произойти то, что произошло с революцией 1789 года в Европе: ее узурпирует какой-нибудь арабский Наполеон, использует революционные чаяния и превратит революцию в серию кровавых войн», – предполагал А. Шавит⁴⁷.

При этом дилемма, возникающая в связи с тем, что демократизация неизбежно приводит к исламизации, оказывается для автора – и отнюдь не для него одного – неразрешимой. С одной стороны, А. Шавит пишет, что «американцы правы, становясь на сторону народных масс, требующих прав и свободы, это верный подход, с исторической точки зрения». Однако прямо за этим А. Шавит утверждает, что «американцы ошибаются, способствуя развалу тех режимов, которые были их союзниками на Ближнем Востоке. Американцы ошибаются, собственными руками прокладывая путь к победе “Братьев-мусульман” и Ирану»⁴⁸. Как и почему правда вдруг превращается в ошибку, Ари Шавит не объясняет, и это в полной мере отражает то смятение умов, которое имеет место в Израиле и в Западном мире относительно происходящих на «большом Ближнем Востоке» событий. Многолетние мечты о демократизации в арабском мире в силу, как казалось, их заведомой недостижимости, позволяли рассчитывать на вечное моральное превосходство и возможность смотреть на окружающий мир сверху вниз. Однако мечты иногда сбываются – но к этому, как оказалось, не был готов никто.

Прежде кардинальное изменение системы арабо-израильских отношений имело место вследствие тех или иных войн; так было и в 1948, и в 1967, и в 1973, и в 1982 годах. В настоящее время ситуация изменилась кардинально – и в худшую сторону – без того, чтобы Израиль сделал хоть что-то, что такому ухудшению способствовало. Еще хуже то, что непонятно, что может – и может ли – сделать Израиль для того, чтобы как-то изменить эту столь неблагоприятную динамику.

VI. Осознавая новый региональный статус-кво

Специалисты хорошо знают, что ни в какой период израильской истории арабские страны не формировали единый блок против еврейского государства, за исключением, может быть, короткого периода в мае – начале июня 1967 года. В войне 1948 года короли Египта и Иордании Фарук и Абдалла вели каждый свою игру, причем их враждебность по отношению друг к другу была едва ли не больше их враждебности по отношению к факту создания еврейского государства. В чем-то это их даже устраивало, ибо Израиль становился государством-буфером, защищая и небольшое Иорданское Хашимитское королевство от возможного нападения со стороны многократно превосходящего его по населению и территории Египта, и формально принадлежащий Египту почти незаселенный Синайский полуостров от нападения со стороны Иордании, «Арабский легион» которой во главе с генералом Джоном Глаббом был в то время самой дееспособной армией в регионе. В войне 1956 года Израилю противостоял только Египет, в войне 1982–1985 годов – только Ливан, а в ходе обстрелов января–февраля 1991 года – только Ирак. В 1973 году силы Египта и Сирии совместно напали на Израиль, но в этом нападении не участвовали вооруженные силы Иордании. В последние же годы вооруженные силы Израиля ведут боевые действия против военизированных отрядов квазигосударственных организаций, фактически контролирующих те или иные территории, но не имеющих признанного международно-правового статуса: «Хизбаллы» и ХАМАСа. Свои самые крупные боевые операции в последнее десятилетие – операцию «Защитная стена» на Западном берегу Иордана в апреле–мае 2002 года, Вторую Ливанскую войну в июле–

августе 2006 года, операцию «Литой свинец» в секторе Газа в декабре 2008 – январе 2009 года – израильские вооруженные силы вели уже не против тех или иных государств, а против отдельных организаций, оппозиционных по отношению к официально признанным правительствам Ливана и ПНА. Очевидно, что страны, с которыми у Израиля наиболее протяженные границы – Египет и Иордания – эти исламистские организации не поддерживают. С Египтом и Сирией Израиль не воевал почти сорок лет, с Иорданией – сорок пять. Об этом имеет смысл не забывать: при всех разговорах о неослабевающей остроте арабо-израильского конфликта, с соседними странами, за исключением, Ливана, Израиль уже почти сорок и более лет не воевал ни разу, а обе войны на территории Ливана были спровоцированы квазигосударственными образованиями (ФАТХом – в 1982 году и «Хизбаллой» – в 2006 году), деятельность которых никоим образом не направлялась законными правительствами Ливана.

Традиционная доктрина безопасности Израиля включала в себя четыре круга противостояния: (1) с палестинскими националистическими и исламскими организациями (ФАТХом, НФОП, ДФОП, ХАМАСом, «Исламским джихадом» и другими); (2) с приграничными арабскими странами (Египтом, Иорданией, Сирией и Ливаном); (3) с арабскими странами, не имеющими общей границы с Израилем (ни с одной из них так никогда и не были установлены полные дипломатические отношения); и (4) с мусульманскими неарабскими странами (Ираном, Пакистаном и другими). К середине 1990-х Израилю удалось существенно продвинуться по всем четырем этим «кругам»: подписанные в 1993–1995 гг. соглашения с ООП (Осло–1, Парижское, Осло–2 и др.), как казалось, свидетельствовали о постепенном урегулировании отношений с палестинскими организациями; мирный договор, заключенный в 1994 году с Иорданией, давал надежду на установление мирных соглашений и с остальными приграничными странами; открытие израильских представительств в восьми странах арабомусульманского мира говорило о возможностях интеграции Израиля в региональном контексте, о чем свидетельствовала

и интенсификация отношений с Турцией, правительство которой в 1993–1996 гг. в первый (и пока последний) раз возглавляла женщина – Тансу Чиллер. Затем, однако, ситуация стала ухудшаться по всем направлениям.

К настоящему времени процесс палестино-израильского диалога находится в самой низшей точке с момента начала всего «процесса Осло». Израильская политика блокады ХАМАСа не принесла никаких видимых плодов, непримиримое отношение этой организации к Израилю никак не изменилось, а тупик переговорного процесса с ООП стал одним из факторов сближения между ФАТХом и исламистами, вершиной которого стало заключенное 6 февраля 2012 года в Дохе соглашение о создании единого палестинского правительства ФАТХа и ХАМАСа во главе с Махмудом Аббасом. Даже если такое правительство создано не будет, или если оно распадется, просуществовав лишь короткое время, показателен вектор движения руководства ООП и ПНА: от переговоров с Израилем – к переговорам с ХАМАСом.

Новая палестинская интифада может вспыхнуть, в общем, почти по любому поводу, но очень жесткая реакция Израиля на в целом мирные попытки прорыва границы со стороны Сирии 15 мая, в день создания Государства Израиль (количество убитых в Маджаль Шамс, составило шестнадцать человек⁴⁹), и 5 июня 2011 года, в день начала Шестидневной войны (четырнадцать погибших, большинство – от взрыва противотанковой мины⁵⁰), как и на турецкую «Флотилию свободы» в заблокированный сектор Газы 31 мая 2010 года (девять погибших⁵¹), не могут не стать факторами, принимаемыми в расчет. Израиль никогда не придерживался пацифистских принципов в своей внешней и оборонной политике, но на сегодняшний день от стремления «не делать ничего, что может нанести урон созданию атмосферы доверия», определявшего *modus operandi* израильских силовых структур в середине 1990-х, не осталось и следа. Торпедирование американцами палестинской заявки на членство в ООН и их жесткая реакция на принятие Палестины в ЮНЕСКО (и это при администрации Барака Обамы – человека, отец которого – му-

сульманин из Кении, а отчим – мусульманин из Индонезии), несмотря на отсутствие какого-либо прогресса в палестинско-израильском мирном процессе, свидетельствует, что начинать новую интифаду, ожидая поддержки со стороны США, палестинцам явно не стоит. При этом большинство правительств европейских стран, вероятнее всего, займет декларативно пропалестинскую позицию, которая, однако, как и прежде, не принесет палестинцам никаких внятных дивидендов.

Отношения с Египтом резко ухудшились после падения режима Х. Мубарака, и можно предположить, что таковыми они останутся на весьма длительную перспективу: мирный договор формально разорван не будет, новой войны между Израилем и Египтом не вспыхнет, при этом нормальная работа посольства, даже если формально возобновится, не приведет к добрососедским отношениям, а уж тем более к стратегическому партнерству. Тот мир времен Садата – Мубарака, который многие в Израиле критиковали как «холодный», станет воспоминанием о лучших годах двусторонних отношений. Высказывается мнение, что «Братья-мусульмане» заинтересованы в соглашении с генералами, в принятии французского стиля управления парламентом, которое заключается в смешении президентской и парламентской власти, когда парламент может выбирать премьер-министра для управления национальным правительством, в то время как задача избранного президента заключается в руководстве внешней политикой и внутренней безопасностью. Такое разделение властей подразумевает единого главнокомандующего армией, что позволит «Братьям-мусульманам» избежать участия в решении острых и непопулярных проблем внешней политики, к которым относятся и отношения с Израилем⁵². Военные не хотят отдавать власть, они рассчитывают договориться с «Братьями-мусульманами», обеспечив себе влияние в ряде сфер, в том числе – и в экономике страны. Генералитет будет стараться удерживать столько власти, сколько сможет. Хотя большая часть египтян мечтают о том, чтобы военные покинули политическую сцену, этого, очевидно, не случится, и конфликт между армией и политиками-исламистами, являющийся неотъ-

емлемой характеристикой общественно-политической жизни Турции на протяжении многих десятилетий, будет играть центральную роль и в выработке того курса, которым пойдет Арабская Республика Египет в ближайшие, да и не только ближайшие, годы.

При этом сотрудничество между Египтом и Израилем будет минимальным, а антиизраильская риторика в египетских средствах массовой информации, и так никогда не прекращавшаяся, еще более усилится. Цитировавшийся выше Эфраим Снэ справедливо предупреждал: «Если рассматривать сценарий, по которому крупнейшее арабское государство, с мощной современной военной машиной, оказывается во власти радикально-религиозного режима, то такое развитие событий приведет к разрушению политического баланса»⁵³, и именно это и произошло. При этом шансы на нападение Египта на Израиль со стороны Синайского полуострова представляются мне минимальными – в отличие от куда более вероятного военно-политического сотрудничества нового египетского режима и впервые получивших политическую не только легитимацию, но и власть «Братьев-мусульман» с ХАМАСом в секторе Газа. За три года после окончания операции «Литой свинец» 19 января 2009 года на территории Израиля упали 648 ракет и 404 минометных снаряда, выпущенных из сектора Газа⁵⁴. Интенсификация обстрелов вынудит Израиль к проведению новой силовой операции против ХАМАСа в Газе, которую будет крайне сложно осуществить в оптимальном для Израиля варианте при отсутствии «политики невмешательства», отличавшую режим Хосни Мубарака.

Представляется, что, несмотря на резкое ухудшение израильско-египетских отношений, формат дипломатических отношений между Израилем и Иорданией, как минимум, в краткосрочной перспективе не изменится к худшему. *«Братья-мусульмане» и радикальные исламисты-салафиты, ставшие главными бенефициарами падения режима Х. Мубарака, являются и основной угрозой правлению Хашимитской династии в Иордании. Поэтому, как и в 1948 году, Израиль становится для Иордании важным государством-буфером,*

в какой-то мере защищающим ее от угрозы из Египта, сейчас – от угрозы исламизма. При этом, как и в 1960-е – 1980-е годы, власти Иордании, опасаясь обвинений в коллаборационизме, будут стремиться не афишировать свои контакты с Израилем, выстраивая сложную систему отношений и балансов взаимного сдерживания со всеми соседними странами. Не исключено, что, при том или ином неблагоприятном развитии событий, формальный уровень отношений между Израилем и Иорданией будет понижен (как это случилось, например, и после начала второй интифады, и в дни «Литого свинца», когда Иордания отзывала своего посла из Тель-Авива), но возможность разрыва дипломатических отношений между двумя странами кажется крайне маловероятной. В начале 2011 года многим казалось, что шанс на падение Хашимитского режима на волне т.н. «арабской весны» довольно высок, но монархия устояла, как и все остальные монархии в регионе Ближнего и Среднего Востока. Были свергнуты президенты Туниса, Египта и Йемена, свергнут и убит «лидер революции» в Ливии, но ни один из монархов, правящих в странах арабо-мусульманского мира, от Марокко до Саудовской Аравии, не был отрешен от власти, что позволяет считать и режим, существующий в Иордании, более стабильным, чем казалось прежде. Принимая во внимание, что 30 января 2012 года король Абдалла II только отметил свое пятидесятилетие, а его старшему сыну Хусейну в июне 2012 года исполняется 18 лет, стабильность престола в Иордании должна сохраниться и впредь.

Массовые демонстрации в Иордании, начавшиеся в январе 2011 года, достаточно быстро сошли на нет, причем ничего подобного масштабному использованию армии против демонстрантов, как имело место в Бахрейне или в Сирии, в стране не было. За 2011 год в Иордании дважды было отправлено в отставку правительство (1 февраля – кабинет «потомственного премьера» Самира аль-Рифаи-мл., отец и дед которого неоднократно возглавляли правительства страны, 17 октября 2011 – кабинет Маруфа аль-Бахита), и этих мер хватило для сохранения стабильности в стране. Назначенный главой правительства Иордании 24 октября 2011 года

судья Аун аль-Хусаун считается взвешенным и авторитетным человеком, за плечами которого, в частности, – опыт работы судьей Международного суда ООН. При этом оба новоназначенных премьер-министра были задействованы в процесс иордано-израильского урегулирования: Маруф аль-Бахит занимал, среди других, пост посла в Израиле, а Аун аль-Хусаун входил в состав делегации по разработке мирного договора между двумя странами в 1994 году. Принимая во внимание всё вышесказанное, понятно, что какого-либо негативного влияния на отношения с Израилем эти перемены в руководстве исполнительной власти Иордании не оказали.

Третий круг отношений касается связей Израиля с арабскими странами, не имеющими общих границ с ним. Как представляется, их руководители заняты сейчас вопросами, не имеющими прямого отношения к Израилю, им банально «не до того». Ни одна из этих стран в настоящее время не поддерживает дипломатических отношений с еврейским государством. Израиль, в свою очередь, не предпринимает никаких действий по изменению сложившегося статус-кво, и нет никаких причин полагать, что новые руководители Ливии, Туниса, Ирака или Йемена озабочены израильской проблематикой, которая едва ли интересна сегодня и остальным арабским правителям, от Марокко до Саудовской Аравии. В 1990-е годы центром региональной политики был «мирный процесс», в первой половине 2000-х важную роль играла вторая интифада и беспрецедентно жесткие, в сравнении с предшествовавшими годами, израильские силовые операции против палестинского сопротивления, но в настоящее время Ближний и Средний Восток явно живет другими темами. Аравийские монархии будут и дальше пытаться поддерживать процесс внутривосточного урегулирования, обеспечивая этим легитимацию сил, не приемлющих само существование Государства Израиль, однако едва ли всё это будет оказывать серьезное влияние на повестку дня еврейского государства.

Четвертое «кольцо враждебности» в последние годы оказалось неожиданно едва ли не самым проблематичным для Израиля, а конфликт с Ираном вот уже, как минимум, более

пяти лет остается наиболее беспокоящим израильское руководство и общество. Иран вполне может присоединиться к Пакистану, став вторым мусульманским государством, не имеющим дипломатических отношений с Израилем, но имеющим атомное оружие, при этом очень сложно сказать, насколько подобная ситуация на самом деле угрожает израильской безопасности. До сего дня единственным государством, использовавшим атомное оружие, остается не Северная Корея и не Китай, а Соединенные Штаты во главе с президентом-демократом. По факту Израилю куда больший ущерб наносит поддержка Ираном ХАМАСа и «Хизбаллы». Впрочем, успехи израильских спецслужб, которым удается раз за разом бомбить еще на территории далекого Судана караваны военной техники, предназначенной для ХАМАСа (данные об этом публиковались неоднократно: в январе и в марте 2009 года, в апреле и декабре 2011 года), как и развертывание, начиная с марта 2011 года, системы противоракетной обороны «Железный купол», вселяют умеренный оптимизм.

Подведем итоги. В результате событий, изначально названных «арабской весной», Государство Израиль оказалось в кольце более или менее исламистских режимов, причем этот процесс исламизации еще не пройден в полной мере, вследствие чего всю совокупность его последствий предстоит осознать в будущем. Для Израиля, большинство населения и почти все властные элиты которого разделяют либерально-демократические ценности, ситуация стала куда более проблематичной, чем прежде, у него практически не осталось союзников в регионе. При этом катастрофы не произошло – и скорее всего, ее и не произойдет. Никто в регионе не рад существованию Израиля, но никто всерьез и не рассчитывает на его исчезновение. Израилю нужно привыкать жить в окружении преимущественно исламских режимов, не надеясь ни на мир, ни на взаимовыгодное региональное сотрудничество, но и не опасаясь вселенских катастроф, понимая при этом, что от его доброй воли, безотносительно того, есть она или нет, зависит очень и очень немного.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ А. Иссахаров, «**Мубарак передал полномочия Сулейману, но это только начало**» // *«Ха'арец»*, 11 февраля 2011 г. [на иврите].
- ² «Исламские партии набирают 71% по итогам выборов в Египте» // РИА «Новости» (<http://www.ria.ru>), 13 января 2012 г.
- ³ Н.Б. Щаранский, *«В защиту демократии»* (Москва: «Захаров», 2006), стр. 212.
- ⁴ Там же, стр. 236.
- ⁵ Ш. Перес, *«Новый Ближний Восток»* (Москва: «Прогресс», 1994), глава 13.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: С.М. Иванов, «“Арабская весна”: год спустя» // Портал Института Ближнего Востока (<http://www.iimes.ru>), 7 февраля 2012 г.
- ⁸ См.: «Egypt security forces storm NGO offices» // *«Al Jazeera»* (<http://www.aljazeera.com>), 30 декабря 2011 г.
- ⁹ «Statement by senators John McCain, Joe Lieberman and Kelly Ayotte on the situation in Egypt» // Сайт сенатора Дж. Маккейна (<http://mccain.senate.gov>), 7 февраля 2012 г.
- ¹⁰ Эта идея – краеугольный остов книги *«Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке»*, под ред. С.Е. Кургиняна (Москва: МОФ ЭТЦ, 2011), стр. 32–44 и далее, выводы – на стр. 270.
- ¹¹ Я. Декель, «На Ближнем Востоке происходит историческая революция, но наши лидеры молчат» // *«Маарив»*, 27 февраля 2011 г. [на иврите].
- ¹² «Какими будут последствия арабских революций?» Интервью М.А. Сапроновой // *«Лента.ру»* (<http://lenta.ru>), 3 марта 2011 г.
- ¹³ См.: К. Земляков, «Экстремальный тунизм» // *«Коммерсант–Власть»*, №3, 24 января 2011 г.
- ¹⁴ См.: Г.Г. Косач, «Арабские разночинцы» // *«Рабкор»* (<http://www.rabkor.ru>), 26 марта 2011 г.

-
- ¹⁵ Е.Я. Сатановский, «Государство Израиль в кратко- и среднесрочной перспективе» // *«Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике»*, том II (Москва: Центр «Сэфер», 2010), стр. 385.
- ¹⁶ **«Нужна политическая революция»** // *«Ха'арец»*, 16 февраля 2011 г. [на иврите].
- ¹⁷ См.: Алек Д. Эпштейн, *«Израильтяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно»* (Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – Ассоциация «Мосты культуры», 2009).
- ¹⁸ См.: А.А. Быстров, «Ливия: усиление межплеменных столкновений» // Портал Института Ближнего Востока, 5 февраля 2012 г.
- ¹⁹ См. об этом важную книгу: Заки Шалом, *«Дипломатия в тени войны»* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 2007) [на иврите].
- ²⁰ См.: **«Исландия первой в Западной Европе признала независимость Палестины»** // РИА «Новости», 15 декабря 2011 г.
- ²¹ См. текст резолюции «Proposition de résolution relative à la reconnaissance de l'État palestinien en septembre 2011» (Doc. 5-1109) на официальном сайте Сената Бельгии (<http://www.senate.be>); информация о голосовании там же, 14 июля 2011 г. [на французском языке].
- ²² Цит. по: Александр Гостев, «Палестина не в ООН. Но в ЮНЕСКО» // «Свобода» (<http://www.svobodanews.ru>), 31 октября 2011 г.
- ²³ Об этом сообщила израильская пресса со ссылкой на выходящую в Лондоне на арабском языке газету «Аш-Шарк Аль-Аусат». См.: Элиор Леви, «Временным местом штаба Халеда Машаля выбран Катар» // *«Едиот ахронот»*, 9 февраля 2012 г. [на иврите].
- ²⁴ См.: Григорий Косач, «ФАТХ и ХАМАС: соглашение достигнуто?» // Портал Института Ближнего Востока, 11 февраля 2007 г.
- ²⁵ См.: Владимир (Зеев) Ханин, «Примирение ФАТХа и ХАМАСа: новый сезон» // Портал Института Ближнего Востока, 21 января 2012 г.
- ²⁶ Об этом сообщила израильская пресса со ссылкой на выходящую в Лондоне на арабском языке газету «Аль-Хаят». О самом соглашении см., например: Ethan Bronner, «Unity Deal Brings Risks for Abbas and Israel» // *«New York Times»*, 7 февраля 2012 г.

-
- ²⁷ См.: Элиор Леви, «Раскол в ХАМАСе обостряется: Деф против перемирия, Джабари – за» // *«Едиот ахронот»*, 13 февраля 2012 г. [на иврите]. О Мусе Абу-Марзуке, Махмуде аз-Захаре и Мухаммеде Дефе см. в книге: Алек Д. Эпштейн, *«ХАМАС в региональной политике»* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2007).
- ²⁸ Ф. Цехмистренко, «Египетская прокуратура требует смерти для Хосни Мубарака» // *«Коммерсант»*, 6 января 2012 г.
- ²⁹ См. «Democracy Index 2011. Democracy under Stress» (London: Economist, 2011), стр. 7.
- ³⁰ См. «Press Freedom Index 2010» (Paris: Reporters without Borders, 2010), стр. 17.
- ³¹ См. «Corruption Perceptions Index 2011» (Berlin: Transparency International, 2011), стр. 7.
- ³² Валид Фарес, *«Революция грядет. Борьба за свободу на Ближнем Востоке»* (Москва: «Коммерсантъ», 2012 [пер. с англ.]), стр. 140.
- ³³ А.Б. Подчероб, «События в Тунисе: причины и последствия» // Портал Института Ближнего Востока, 7 февраля 2011 г.
- ³⁴ См.: М.З. Ражабадинов, *«Египетское движение “Братьев-мусульман”»* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004).
- ³⁵ См.: И.С. Берг, «Немецкие эксперты о вероятности прихода к власти в Египте “братьев-мусульман” и его последствиях» // Портал Института Ближнего Востока, 22 февраля 2011 г.
- ³⁶ Цит. там же.
- ³⁷ См.: Г.Г. Косач, «Революция в Египте: как творятся мифы» // *«Новое восточное обозрение»* (<http://journal-neo.com/ru>), 4 февраля 2011 г.
- ³⁸ См.: Овед Гранот, «Штурм посольства: дух площади Тахрир» // *«Маарив»*, 11 сентября 2011 г. [на иврите].
- ³⁹ «Какими будут последствия арабских революций?» Интервью М.А. Сапроновой.
- ⁴⁰ Цит. по: И.С. Берг, «Немецкие эксперты о вероятности прихода к власти в Египте “братьев-мусульман” и его последствиях».
- ⁴¹ «О ситуации на Ближнем Востоке и не только». Интервью В.В. Наумкина // *«Коммерсант»*, 4 марта 2011 г.

-
- ⁴² Эфраим Снэ, «Навигация в опасной зоне. Израильская стратегия мира и безопасности» (Москва: «Олимп», 2005 [пер. с англ.]), стр. 39.
- ⁴³ В ходе теледебатов перед выборами 1996 года, баллотировавшийся против него Б. Нетанияху спросил Ш. Переса, не сожалеет ли он об этом высказывании. Ш. Перес не отмежевался от занятой им ранее позиции.
- ⁴⁴ См.: Ophir Falk and Yaron Schwartz, «The Oslo Process – Fate or Folly?». Research report (Herzliya: The International Policy Institute for Counter-Terrorism, Interdisciplinary Center, 2002).
- ⁴⁵ Ш. Иерушалми, «Прощай, процесс» // «Маарив», 14 февраля 2011 г. [на иврите]
- ⁴⁶ А. Бен, «Политическое цунами уже здесь» // «Ха'арец», 10 сентября 2011 г. [на иврите]
- ⁴⁷ А. Шавит, «Ураган перемен» // «Ха'арец», 24 февраля 2011 г. [на иврите].
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ «СМИ: прорыв границы в районе Мадждаль Шамс – новая веха палестино-израильского конфликта» // Портал «*Newsru.co.il*» (<http://newsru.co.il>), 16 мая 2011 г.
- ⁵⁰ «Сирия: 14 погибших на границе. Жители Мадждаль Шамса забросали солдат камнями» // Портал «*Newsru.co.il*», 5 июня 2011 г.
- ⁵¹ «ЦАХАЛ: в ходе перехвата флагмана “Free Gaza” погибли 9 человек» // Портал «*Newsru.co.il*», 31 мая 2010 г.
- ⁵² См.: Costantino Pistilli, «L’Egitto post-Mubarak: Ecco come Fratelli musulmani e salafiti si sono presi la camera bassa egiziana» // «*L’Occidentale*» (<http://www.loccidentale.it>), 24 января 2012 г. [на итальянском яз.].
- ⁵³ Эфраим Снэ, «Навигация в опасной зоне», стр. 46.
- ⁵⁴ Данные, обнародованные МИД Израиля 8 февраля 2012 г.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".
230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).
231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2011 r.

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011) In association with the the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Conteporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**. In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Научное издание

Алек Д. Эпштейн

**ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ
ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ИСЛАМИЗМА:
«АРАБСКАЯ ВЕСНА» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО**

Подписано в печать 11.03.2012 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 4 уч. изд. л.

Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 64

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12